

Сакинат АБАЕВА

**Я ПОПРОСИЛА ОСЕНЬ,
ПОДОЖДИ!**

Рассказы и очерки

АБАЕВА
Сакинат Владимировна

Сакинат АБАЕВА

**Я ПОПРОСИЛА ОСЕНЬ,
ПОДОЖДИ!**

Рассказы и очерки

**НАЛЬЧИК
“ПРИНТ-ЦЕНТР”
2024**

Художественно-литературное издание

Абаева С.В.

Я попросила осень, подожди!

Нальчик. Типография “Принт-Центр” 2024г., 90 стр.

В данной книге представлены рассказы и очерки писателя Сакинат Абаевой, которая является ярким представителем женской прозы.

Выделение женской прозы в контексте современной литературы обусловлено несколькими факторами: автор – женщина, центральная героиня – женщина, проблематика так или иначе связана с женской судьбой. Немаловажную роль играет и взгляд на окружающую действительность с женской точки зрения, с учетом особенностей женской психологии. Женская проза официально была признана литературным явлением в конце XX века и сегодня выделяется как устойчивый феномен отечественной литературы.

Абаева С.В., 2024

“Принт-Центр”, 2024

Я ПОПРОСИЛА ОСЕНЬ, ПОДОЖДИ!

Рассказ

Бабье лето в этом году после изнурительной летней жары казалось божьим даром. Утром, когда открываешь глаза и, еще лежа на кровати, видишь в окне краешек неба без единой тучки, настроение поднимается на целый день. А какая благодать гулять по парку, собирая букет из осенних листьев, любуясь деревьями в пурпуре и золоте...

Понежившись еще минутку в постели, Марина встала и прошла в ванную комнату. Быстренько позавтракав, она собрала тетради с конспектами. Сегодня у них должна быть контрольная работа по анатомии. И принимает дядя Толя, давний приятель отца, ректора этого университета.

Но это – работа. Никаких поблажек, все должно быть честно. Для отца и его немногочисленных друзей работа оставалась работой, с чем спорить было бесполезно.

Марине и не надо было какой-то поблажки. Она была лучшей студенткой на курсе, и чья-то помощь была ни к чему. Она считала, что нет ничего невозможного, главное собраться с мыслями, чтобы понять и анатомию, и биохимию. Ей нравилось учиться, и делала это она с удовольствием.

Марина вышла на остановку, где встретилась с двумя бывшими одноклассниками сразу. Они тоже ехали на занятия. По пути в университет рассказывали друг другу об общих знакомых, о том, что у кого нового. И добравшись до вуза, каждый из них разбежался по своим факультетам.

Когда Марина пришла в анатомичку, Альберта еще не было. И после звонка тоже не появился. «Такой правильный и пунктуальный, где же он может быть?» – думала она.

В тот день он так и не появился в университете. Только вечером, когда Марина была уже дома, он позвонил и сказал, что сильно повредил спину, ударившись обо что-то, и целый день пролежал.

Альберт был горбуном. Но его обаяние от этого меньше не становилось. Грубоватые черты лица и большие синие глаза были очень выразительны. Он, как тот Джофрей де Пейрак, оставался еще более привлекательным для девушек. Все, кто с ним хоть раз общался, впоследствии были его поклонницами, многие из них сами признавались ему в любви.

Но в сердце Альберта жила только Марина. Дочка ректора университета не была спесивой. Элегантная, с большими серыми глазами и умным взглядом, хорошими манерами, она была самой красивой на курсе. И при этом была скромна, никогда не позволяла себе выделяться среди подружек. Всегда в меру общительная, она знала себе цену, но никогда не подчеркивала свою значимость. Все эти качества покорили сердце Альберта.

В первое время Альберт жил только мечтой о прекрасной даме. Марина никогда не давала знать, что она тоже к нему равнодушна и что ей крайне неприятно то, как он любезничает со всеми девушками не только в группе, но и на курсе, и даже на факультете. Он знал, что является любимчиком всех девчонок. С ней же был особо обходителен. И взгляд его влюбленных глаз всегда выдавал его с ног до головы. Марина и другие девочки, конечно, это видели. В редкие минуты, когда они оставались наедине, Альберт не упускал возможности поговорить. Она была бесконечно счастлива в такие минуты и ждала их с нетерпением...

Накануне Нового года староста группы подал идею, чтобы всем курсом отметить праздник в общежитии, а после разъехаться по домам, кто этого захочет. Все согласились. Марина и еще несколько однокурсников, которые жили не в общежитии,

а в своих домах, тоже не были прочь повеселиться. Они, как и все, принимали активное участие в подготовке.

Готовили салаты и, в общем, то, что могли позволить себе на студенческие деньжата. Альберт был на подхвате, он до этого дня не представлял, что Марина придет на вечеринку в общежитие. Она до этого всегда отмечала праздники в своем кругу. Все-таки она была дочерью ректора университета.

Этот новый год перевернул всю жизнь Марины и Альберта. В этот раз они не смогли скрыть друг от друга своих чувств. Он признался ей, она ответила взаимностью. Его ухаживания видели все, даже завидовали в какой-то степени. Но помешать им никому и в голову не приходило.

Наоборот, все ждали счастливого конца...

Когда Марина попыталась намекнуть родителям о своем выборе, они не приняли этого всерьез.

– Разве у такой красивой девушки, с такими родителями, может быть такой жених? Просто ужас! – сказала мама, а отец, просто махнув рукой, не придал этому значения.

Марина ясно осознавала, что ее родители никогда не примут Альберта, но уступать им не собиралась. «Если бы они знали, какой он умный, хороший», – думала про себя она.

Но время шло, а родители не собирались менять свое решение. Марине предлагали все новых и новых кандидатов в женихи. Более того, они просто навязывали их ей. Она, по их требованию, конечно, знакомилась, даже общалась с ними, но ни к чему это не приводило. Никто вокруг не понимал, что происходит. Конечно же, обо всем этом она рассказывала Альберту. Подумав, они решили пожениться, тайком, в узком кругу.

Поделившись с очень близкими друзьями, свадьбу решили сыграть в столовой, а жить потом в комнате Альберта. Стали думать, куда бы переселить Андрея, который жил в комнате с Альбертом. Он сам подсказал, что может пожить с ребятами на другом этаже. Тесновато, но не обидно, шутил Андрей, приводя в порядок комнату для молодоженов.

Заявление подали заранее. А друзья тем временем бежали, готовили все необходимое для свадьбы. И когда подошло время регистрации, счастливее их никого не было. Хотя это все происходило тайком, осведомлен был почти весь курс. После регистрации пошли в столовую университета, где был накрыт свадебный стол. Всем хотелось быть свидетелями этой таинственной свадьбы. Родители Альберта, которые жили за много километров отсюда, ни о чем не догадывались, а родители Марины, жившие за два квартала от университетской столовой, сидели в своем уютном доме и смотрели телевизор.

Свадьба состоялась. Друзья молодоженов сделали все, чтобы она была веселой, неповторимой. И главное, чтобы счастья было через край. Действительно, свадьба была скромнее некуда, но от начала до конца она была наполнена искренней радостью и счастьем.

С заведующим столовой они договорились заранее, сказав, что это обычный день рождения, что все будет пристойно, а уходя, они все чисто уберут. Наутро никто и не догадается, что здесь было что-то. Сделали, как обещали, и к трем часам ночи гурьбой пришли в общежитие.

Пришли толпой самых близких и дорогих людей. Всю дорогу они шутили, смеялись. И когда Альберт и Марина переступили порог своего первого дома, она была приятно удивлена. Эти же друзья красиво убрали комнатку Альберта и Марины. На столе, в литровой банке, был огромный букет из цветов, коробка конфет и две бутылки лимонада.

Марина, которая привыкла к роскоши, была очарована букетом нежных и ароматных полевых цветов. Девушка, вдохнув полной грудью, посмотрела на друзей и от переполнявших ее чувств не смогла сдержать слез благодарности и счастья. Она бросилась обнимать подруг, благодарить за уют этого гнездышка, первого и самого желанного в ее жизни. Этот миг, эту радость Марина пронесет через всю жизнь.

В отличие от нее, Альберт и не сомневался, что так и будет. Андрей с ребятами по-другому и не смогли бы поступить. Они все сделали, чтобы это счастье было полным.

Чтобы сыграть свадьбу, Марина уговорила родителей отпустить ее на время сессии в общежитие. Она убедила их, что ей очень удобно вместе с девочками готовиться к экзаменам. Мама не понимала требования дочери, но потом, правда, с помощью отца, согласилась. Но все же считала, что это баловство и что общежитие не самое достойное место для дочери ректора университета. Марина в душе понимала свою капризную маму. Но она знала, что ее решение они никогда не примут. И какой ценой они еще будут расплачиваться, Марина и не догадывалась. Но сегодня об этом думать ей не хотелось. Сегодня она праздновала свою свадьбу...

Через несколько дней отец все-таки пригласил свою дочь к себе, в ректорат. Он был возмущен, что дочь долго отсутствует и даже не звонит. К отцу Марина пришла с самым безвинным выражением. Обняла и, поцеловав в щеку, спросила:

– Папа, что произошло, в чем дело?

– Где ты находишься, почему ты не звонишь? Да что с тобой вообще происходит? – не скрывая своего раздражения, спрашивал отец.

– Папа, я же просила вас, чтобы вы меня отпустили на время сессии к девочкам в общежитие. Ну, что ты так волнуешься? Мы все вместе сидим и занимаемся, мне так удобно.

– Ну, хорошо, но можно позвонить, чтобы мать не волновалась.

– Хорошо папа, я так и сделаю. Прямо сейчас с твоего телефона.

Позвонив матери, Марина выслушала ее упреки, а в конце мать попросила, чтобы она поскорее вернулась домой.

– Хорошо, мама, осталось еще несколько контрольных работ и экзаменов, а потом и сессия закончится, – обещала дочь.

– Марина, а деньги у тебя есть? – спросил отец.

– Немного еще осталось, папа. Но если сможешь...

– Вот, возьми, не ходи голодная, еще чего. И учти, даем тебе только несколько дней. Я посмотрю твой график экзаменов, давай поторопись, и не забудь каждый день звонить домой. Мы с мамой страшно волнуемся. Послушай, дочь, а может, ты пригласишь своих подруг к нам домой? Если тебе с ними легче готовиться, пускай они поживут у нас. Так всем нам будет спокойно.

– Они не захотят, папа. Мы сначала в библиотеке занимаемся, потом в общежитии. Пожалуйста, не беспокойтесь так. Я же не маленькая, успокой и маму. Ну, я пойду, пока.

После того как ушла Марина, Борис Ефимович долго еще думал о дочери. Ее настроение, счастье в ее глазах, не замечаемые им раньше, удивили его. С дочерью явно что-то происходит, причем хорошее.

Когда пришел домой, отец поделился своими впечатлениями с женой.

– Может, действительно ей не хватает общения с ровесниками? Молодость ведь такая штука, там и романтика, и все такое вместе идут. А какая Маринка веселая была. Прямо, как в детстве.

– Ну, не знаю, какая она там веселая была, но дом и студенческое голодное общежитие невозможно сравнить, – возмущалась жена...

Марина довольно долго была в ректорате. Пока она шла к себе на факультет, Альберт, не отрывая взгляда, смотрел в глубь коридора, откуда она должна была показаться. Ни на миг не покидал его страх, что она поменяет что-то в их жизни. Его семейная жизнь Альберту казалась раем.

Это было его сбывшейся мечтой. Хоть он и жил в ней, но до конца не мог поверить в действительность происходящего. Он и не мог представить, что она может быть столь прекрасной. Но при том, что он ел приготовленное руками Марины и смотрел в ее серые бездонные глаза, его ни на минуту не остав-

ляло чувство страха, что он это все может потерять. Что за это счастье заплатит дорогую цену. Когда он об этом думал, часто прижимал ее к груди, говорил с ней и шутил. И даже когда они смеялись над каким-нибудь пустяком. Это было слишком хорошо, чтобы быть вечным. Он думал над этим, она – нет. Ему казалось, что ей и в голову не приходило, что родители отвергнут произошедшее, хотя все уже позади. И свадьба была настоящая и регистрация. Все это было по-настоящему. Никто никому не угождал, не было помпы, важных гостей, дорогого шампанского и фейерверков. Там, на студенческой свадьбе, господствовали дружба, чистая любовь, вечная и красивая...

Марина не торопилась домой. Конечно, она думала о том, как она счастлива, и Альберт, которого так любили все и так не любили ее родители, стал ее мужем. Это ее самая настоящая и большая любовь. И Марина была готова на многое, чтобы защитить эту свою любовь. Никакие влиятельные женихи не смогут занять место Альберта в сердце Марины.

Альберт не мог скрыть своего счастья, когда его мечта стала реальностью. Сколько бы судьба ни отвела дней, все это принадлежало им от начала до конца. Они вместе встречали рассвет, и от этого он казался ярче, вместе уходили и приходили в свое гнездышко. Они упивались счастьем, посланным свыше, и считали это счастье вечным. Эта мечта, которая осуществилась, сияла всеми цветами радуги, не омраченной серостью и пересудами.

Все самое прекрасное Альберт видел в ней. И не могла жизнь быть рядом с ней будничной, обыденной. И Марина, влюбленная, тоже прекрасно это понимала. И мысли, и чувства были в полете, они не касались ни земли, ни неба. Это было продолжением сна, от которого не хотелось просыпаться. И в этом сне никто не должен был появляться, чтобы не разбудить и вернуть их в реальность...

Реальность наступила неожиданно. Мама Марины, Ирина Иосифовна, позвонила в студенческое общежитие рано утром

и потребовала позвать свою дочь. Ей сказали, что передадут просьбу Марине, когда она будет идти в университет. Ирина Иосифовна заносчиво напомнила о том, что их беспокоит жена ректора университета, и подобное к ней отношение она будет обсуждать в ректорате.

Марину разбудили и пригласили к телефону. Очень недовольная мама продолжала эту тему и в разговоре с дочерью. Мама возмущенно спрашивала, почему дочь забыла свой дом, что вообще происходит?!

– Мама, пойми, мне намного проще заниматься с девочками.

– Что ты говоришь, да что с тобой происходит, говорила – на несколько дней, а уже месяц заканчивается! Если сегодня не вернешься домой, я сама приду и сама вытащу тебя оттуда! – не успокаивалась Ирина Иосифовна. Спорить с ней было бесполезно.

Когда Марина вернулась в комнату, Альберт понял, что его счастье уже закончилось. Ее лучистые глаза ничего не выражали. Она просто не была способна что-то объяснить, даже сказать. Она опустила на кровать рядом с ним и уставилась в никуда. Она не хотела возвращаться домой без Альберта, а ему туда путь был заказан...

На занятиях Марина не могла сосредоточиться, она как бы отсутствовала. Сидящий рядом муж успокаивал, как мог. Он сам потерял всякую надежду, но видеть ее в отчаянии он не мог. После занятий, в своей комнатке, Альберт прямо спросил у Марины, что делать, если...

– «Если» не будет. Я просто не уйду отсюда. Я знаю, они не примут нас вместе, а без тебя я не хочу жить нигде! – Слезы катились по ее лицу градом. Все это и Альберта тронуло до слез. Они плакали вместе, понимая свою боль одинаково.

– Не может все так просто закончиться. В конце-концов, мы не заключенные и ничего преступного не совершили, – все не успокаивалась.

– Ты свои права отстоишь, а что буду делать я, – прервал ее Альберт. – Твой отец, чтобы разлучить нас, что угодно сделает со мной. Правда, мне все равно, где жить без тебя, просто я этого боюсь.

– А почему ты считаешь, что меня рядом с тобой не будет? Куда я денусь, куда я без тебя пойду? – не успокаивалась Марина.

– Была бы моя воля, я бы хоть куда, но не расстался бы с тобой. Я очень боюсь, что это сделают твои родители. Они меня никогда не принимали серьезно. Мое простое происхождение и мой горб не давали права любить тебя. А за то, что переступил этот предел, меня наверняка ждет страшный суд. Но все это – просто мелочи, ты – моя, и это главное. Понимаешь, ты моя законная жена, любимая женщина. О чем я еще могу думать и мечтать?

– Альберт, дорогой, о чем ты говоришь, боже мой? Кто может о тебе, самом добром, дорогом, такое подумать? Я никогда не оставлю тебя. Я никуда не уйду, я не хочу, чтобы кто-то тебя наказывал, – успокаивала Марина.

– Знаешь, Марина, ты у меня самое дорогое. Ради тебя я не боюсь каких-то оскорблений и чего-то там еще. Но, учти, никакая жалость мне не нужна, даже от тебя. – И вмиг взгляд добрых его глаз стал ледяным.

Они оба замолчали. Натянутость ситуации угнетала обоих. И Марина тут же четко усвоила себе: не жалость, а любовь ему от нее нужна. Он слишком гордый, и чувство собственного достоинства не позволит ему упасть даже перед самой любимой женщиной. Это не отпугнуло, наоборот – восхитило ее. И это она не смогла скрыть.

Альберт убедил ее в том, что она должна навестить родителей. Обязательно нужно все рассказать им. Тайное всегда становится явным, и не нужно бежать от проблем, которые необходимо решить. И чем раньше, тем лучше завершить все это. Марина согласилась очень неохотно. Она решила забе-

жать домой на часок, заранее договорившись с родителями. В присутствии обоих рассказать и вернуться.

– Нет, дорогая, у тебя так ничего не получится, не создавай себе своими руками проблему. Ты поезжай домой, и обстоятельства подскажут, что дальше делать. Такие дела на ходу не решаются, – убеждал Альберт.

– Тогда никуда не пойду, или пойду с тобой, – настаивала Марина.

– Я как раз там и не нужен, – уверял Альберт. – Ты представляешь реакцию своих родителей, когда они меня увидят. Это мы нужны друг другу, но им я не нужен! – печально глядя ей в глаза, сказал он.

Альберт убедил свою жену в необходимости этого шага, но он не представлял себе, как будет ждать ее целую ночь, целую вечность. А потом – все или ничего. Он это чувствовал кожей. Он понимал, что у каждого из них своя правда. И правда ее родителей тоже требует уважения. Целое воскресенье Марина что-то делала, чтобы отвлечься от тревожных мыслей: то стирала вещи мужа, то готовила впрок, то убирала, то гладила.... Альберт понимал, что предстоящий разговор с родителями будет тяжелым, и она переживает, боится неизвестности. Он тоже сильно переживал, но виду не подавал.

– Мариш, уже поздно, когда ты доедешь домой? – наконец нервно спросил Альберт.

– Успею, никуда дом не денется.

– Да я переживаю, что будет поздно. Я же за тебя боюсь.

– Ничего, Альберт, доеду, – не торопясь, ответила Марина, занимаясь волосами.

– Ну, пожалуйста, Мариночка, торопись, уже рано темнеет, прошу тебя.

– Иду, не торопи меня. Посмотри, вот еда, не сиди голодный. Я думаю, тебе хватит, пока я вернусь.

Она начала одеваться, и Альберт вместе с ней начал собираться, чтобы проводить свою жену до остановки.

– Слышишь, Мариш, а ты свидетельство о браке взяла?

– Нет, а что?

– Я бы не хотел, чтобы ты его брала, а то, чего доброго, порвут...

– Нет, нет, не переживай. Наш первый общий документ мы никому не отдадим, – успокоила она, направляясь к выходу.

Неожиданно для себя она резко остановилась и прошла в глубь комнаты. Он наблюдал, ничего не понимая. Марина же подошла и понюхала увядающий букетик роз. Их недавно купил для нее Альберт. И слезы фонтаном брызнули из глаз. Она села на старенький общежитский стульчик, Альберт подошел к ней сзади и обнял за плечи.

– Мариш, я с ума сойду, пока ты будешь там. Поторопись, я жду не дожусь твоего прихода. Вставай, я посажу тебя на трамвай. Пожалуйста, не надо так, ты же к родителям едешь, а не на эшафот, – все уговаривал он.

До остановки они дошли, взявшись за руки. Всю дорогу он говорил, что это необходимо и что она единственная, кто ему нужна. Рядом с ним она чувствовала себя самой защищенной и любимой. Что же могло с этим сравниться. Весь он принадлежал только ей одной. Она любила и была любима.

Трамвай не заставил себя ждать. Марина внимательно посмотрела мужу в глаза и спросила:

– Ты точно считаешь, что я должна поговорить с ними?

– Не с ними, а с родителями, – поправил Альберт. – Я написал своим сразу, они приняли эту новость с большой радостью. Ты же читала письмо. И с твоими родителями тоже все должно быть ясно, нам же лучше. Это не шутки, мы с тобой женаты, а они ничего не знают. Так не должно быть.

Трамвай тронулся. И чем дальше он отъезжал, тем больше ему казалось, что уходит безвозвратно что-то очень дорогое, безвозвратно.

На следующий день Марина не вернулась, не было ее и еще на следующий. Ее не было в общежитии, не было и в уни-

верситете. На последнем курсе это допускалось, но душевная тревога грызла душу. Все было не то, было скучно, плохо, холодно... Дни проходили серо. Заканчивался день, наступала ночь. И снова день, снова ночь...

Альберт звонил ей по раз сто в день, но дозвониться не мог. Никто ничего о ней не знал, никто ничего не рассказывал. Консультации назначались так, спонтанно. Хочешь – приходи, но никто не обязывал. Альберт бывал на всех консультациях. Приходил раньше всех, уходил, когда уже уходила техничка. Но, увы...

Терпеть эту неизвестность уже не было сил. И когда от безысходности позвонил ей домой, трубку подняла мама Марины. Четкий, требовательный голос с другого конца провода не дал возможности даже открыть рот.

Альберт потерял всякую надежду и на встречу, и на разговор. Домой он шел словно потерянный. Его ничто не интересовало: ни густой туман с моросью, ни дорога с лужами, ни отсутствие транспорта. Он просто шел, не видя ни дороги, ни прохожих. Было все равно, куда идти, он никому не был нужен.

Он не помнил, зачем шел, куда он хотел пойти. Очнулся уже тогда, когда утренняя стужа крепко напомнила о себе. И он стоял возле большого камня над обрывом.

– Господи, что я здесь делаю, где я? – растерянно спросил себя Альберт. Он посмотрел вокруг. Ничего, никого, одна неизвестность. Он долго осматривался и понял, что дорога где-то выше. Слышались сигналы проезжающих машин. Он поднялся осторожно на холм и через ров выбрался на асфальтированную трассу. Было раннее серое утро, только что отступила ночь, и глаза привыкали к утреннему свету. Предметы были видны не очень отчетливо. Даже голые деревья казались страшными.

Альберт стоял у обочины. Он не голосовал редким автомобилям, он просто стоял. Вдруг остановилась какая-то грузовая

машина, ослепив фарами, и суховатый мужчина с пышными усами спросил, куда он в такую рань? Альберт стоял, сиротливо поглядывая на шофера, и горб его выступал как будто еще уродливее. Шофер увидел, что с парнем что-то не то, вышел из машины и подошел к нему.

– Эй, парень, куда ты в такую рань?

– Я в город, в Новосибирск, – виновато ответил Альберт.

Машина, в которой ехал Альберт, мчалась по мокрому асфальту. Водитель был человеком веселым и общительным. Он рассказывал о чем-то жизненно важном, а пассажир машинально кивал головой, даже не прислушиваясь. Так они ехали какое-то время. И остановилась машина тоже внезапно, когда водитель закончил свой рассказ.

– Все, молодой человек, мы доехали, – весело сказал он.

– Спасибо, что подвезли, сколько я вам должен? – несмело спросил Альберт.

– Ничего не должен, друг, только скажи, если не секрет, кто это так выбил тебя из колеи? – осторожно спросил водитель. – Да, вообще-то меня зовут Василием.

– А я – Альберт, но со мной все в порядке, – нервно потирая ладони, оправдывался он. – У меня все нормально, все хорошо, – говорил, а сам все смотрел в пустоту, в туманную даль, в уходящую куда-то дорогу.

– Я живу здесь недалеко, вот мой дом, – объяснял Василий. – Если вдруг понадобится, запиши мой адрес. Живу один с матерью, приходи, если время будет, будем рады. Мама у меня мировая.

Альберт машинально взял бумажку с адресом и сунул в карман. Он еще не знал, что именно эти люди спасут его, смогут уйти от этого кошмара...

В университет он пришел в надежде кого-то увидеть. Но, увы, не было никого, двери были закрыты. Постояв немного, он решил пешком вернуться в общежитие и по пути встретил студентку из параллельной группы. Она сама поздоровалась

с ним, а когда узнала, что он идет из университета, удивилась, сказав, что сегодня выходной и все отсыпаятся.

– А знаешь, уже повесили список, кто куда распределится. Тебя куда-то очень далеко закинули, посмотри завтра.

– Что значит – далеко? – удивленно спросил Альберт.

– А что ты хотел, остаться рядом с Мариной в городе? Это вряд ли, она ведь замуж выходит.

Эти слова, словно пинком, вернули его в реальность.

– Как это выходит замуж, она же замужем?

– Так говорят, – пожала плечами собеседница.

Он был в шоке. Она еще что-то говорила, но он не в состоянии был понимать, о чем вообще шла речь.

Он не был в общежитии два дня. Друзья не знали, где он ходил, как себя чувствовал. И сам он никого не хотел видеть. Сейчас тихо прошмыгнул в свою комнату, где жил пока один. Один был со своим горем, без Марины, без завтрашнего дня, без цели, просто так. Он свалился на кровать и закрыл глаза. Он боялся кого-то увидеть, он не смог бы еще от кого-то услышать эту новость. Он долго лежал с закрытыми глазами и не заметил, как заснул. Только через какое-то время Андрей, войдя случайно, увидел его. Альберт весь горел. Испугавшись, Андрей побежал к ребятам, которые и вызвали скорую помощь. Истощенного, в бреду, не на шутку испуганные врачи забрали его в больницу.

В таком состоянии он долго пролежал в палате, и весь курс навещал его. Не давали скучать, по очереди дежурили возле его койки. Друзья слышали, как он в бреду разговаривал с Мариной. Многие хотели с ней связаться, но было бесполезно. Ее не выпускали, не звали к телефону. Никто не знал, что с ней. Только поговаривали, будто скоро она выходит замуж. Когда спала температура, Альберт пошел на поправку. Доктор, который его лечил, скажет потом, что это была сильнейшая душевная травма. Слава богу, опасность миновала. Но пустой взгляд его добрых глаз пугал всех. Осознав себя лежащим на

больничной койке, Альберт сильно удивился. Он ничего не помнил, не знал, как сюда попал. Он очень надеялся, что придет она, его Марина. Но ее не было...

Через некоторое время он начал выходить в коридор, а однажды встретил там Василия, того самого парня, который подвез его в город. И не Василий узнал его первым, а он Василия, потому что с того дня Альберт сильно изменился.

– Ты даже постарел на сто лет, и ростом, кажется, меньше стал. Что же с тобой все-таки произошло, старик? – спросил Василий.

– Пустяки, скажи лучше, что ты здесь делаешь? – спросил Альберт.

– Мама лежит в больнице...

Василий познакомил его с матерью, и Альберт частенько заходил к ней в палату, в беседах с ней он находил успокоение. Выписали обоих в один день, и мама Василия настояла, чтобы он обязательно погостил у них. Альберт был рад этому предложению и задержался у гостеприимных людей на целую неделю.

Последние дни до отъезда он пробыл в общежитии, уже понимая, что прошлому вернуться никто не даст. И он должен был спуститься с неба на землю. Друзья старались беречь его, о Марине не заговаривал никто, все понимали, что он пережил. А прежде чем уехать в места, где им предстояло жить и работать, бывшие однокашники тепло попрощались, обещая помнить друг друга,

Альберт сдал свою комнату. И, собирая аккуратно сложенные вещи, прижал их к груди. Они еще хранили тепло рук Марины. Даже те розы, засохшие в банке, тоже принадлежали ей. Как говорила мама Васи, время было его лучшим лекарством. Он хотел поскорее покинуть общежитие, потому что все здесь напоминало о счастье, ушедшем вместе с Мариной.

Все, к чему она прикасалась, он гладил с тоской. Он не верил, что она забыла его. Она любила его так же, как и он. И это

время, что им было дано провести вместе, – это было божьей волей. Это походило на счастье, которое бывает один раз в жизни. И вечным оно не могло быть, потому что было слишком хорошо. К хорошему, которое принадлежало им, Альберт успел привыкнуть, но, увы...

Перед отъездом он все-таки попытался еще раз дозвониться до Марины. Но из этого ничего не получилось. Перед отъездом зашел попрощаться с матерью Василия. Она уже готовилась его провожать и напекла пирожков. Василий тоже ждал его. Пообедав, они поехали на вокзал. Альберта распределили в самую глушь Новосибирской области. Отец Марины наказал его таким образом. Альберт был даже рад этому, думал, на таком расстоянии легче будет забыть. Волей Бориса Ефимовича их брак аннулировали. Все забудется, если не будут видеть друг друга, думала мама Марины. Но она не могла справиться с хандрой своей дочери. Марина была больна им, самым дорогим, добрым и красивым для нее человеком.

Когда узнали, что Альберт поехал по направлению и уже работает, решили, что и Марине надо устроиться на работу. Ее ждало место в престижной клинике. Ожидалось повышение и целевая аспирантура. Но Марине было все равно. Она всеми способами хотела узнать, где Альберт, куда его направили. Но никто этого не знал. За то время, когда она была взаперти, все, с кем можно было пообщаться, разъехались. Она слышала, что ее искали по телефону, приходили домой, но она не имела возможности встретиться с кем бы то ни было. Она все время думала об Альберте, и никто не мог вытравить его из ее памяти. Вокруг нее была пустота, которую никто и мог заполнить.

Альберт приехал к месту назначения рано утром. Встретившись с главой сельского Совета, он пришел в амбулаторию. Ветхое здание оставляло желать много лучшего, но жители села с большой радостью восприняли новость, что у них будет свой врач, и все были готовы дружно выйти и приве-

сти в порядок и территорию, и само здание. Комната в доме медперсонала уже ждала его. Большая, светлая, она вполне устраивала Альберта. Отопление было печное, но это его не испугало.

Все мужское население села Сосновки в свободное время занималось резьбой по дереву. А днем, как и должно, все трудились в колхозе. В этот же год в амбулаторию приняли двух медсестер. Начали восстанавливать документацию, и ее оказалось так много, что засиживались допоздна. Медсестер звали Люба и Марина. Девушки оказались ответственными, грамотными.

Когда медсестер представили главному врачу, а это и был Альберт, имя одной из них «Марина» вызвало у него легкий шок. Он всегда старался говорить так, чтобы не называть ее по имени. Все это переворачивало его душу, боль была еще сильна. Другую звали Любой, девушка она была сдержанная, трудолюбивая, никогда не поспорит, лишнего не скажет, всегда исполнительна и аккуратна. Но, в отличие от Марины, она никогда не упускала момента, чтобы угодить Альберту. Было видно, что он не безразличен девушке.

И в амбулатории, и в поселке тоже замечали это, намекали Альберту, но ему было все равно. Жениться без любви казалось ему преступлением. Но после долгих и настойчивых уговоров он, понимая свою ситуацию, решил уступить. Девушку было жалко, ведь он отдавал себе отчет, что никогда не сможет ее полюбить. Хотя понимал, что она будет и женой заботливой, и матерью хорошей.

В поселке он завел не очень хороших друзей, с которыми было удобно заливать водкой свою тоску. Однако спиваться он не собирался...

Свадьба была очень скромной: несколько друзей Альберта, маленький коллектив амбулатории и две соседки. Для Альберта это не имело значения, свою желанную свадьбу он уже отыграл. Просто неожиданно началась его новая семейная жизнь.

Люба не видела любви в глазах своего мужа, но четко различала боль и тоску по чему-то ушедшему. Он не в силах был пока это скрывать, она же решила ничего не выяснять. В конце концов, этот хороший врач и милый человек – ее муж. О чем она могла бы еще мечтать? Она надеялась, что потом все сладится и она дождетсся своего счастья.

После свадьбы, им выделили самую большую комнату в доме для персонала. Колхоз помог молодой семье, и Люба прикупила кое-что, повесила накрахмаленные занавески на окна и обставила комнату. Везде царили порядок и чистота. Этот семейный очаг был уголком юта и тепла...

Альберт не искал ничего в семейной жизни, после работы домой не торопился. Все чаще оставался в компании друзей-собутыльников, чтобы не думать о прошлом. Люба понимала его состояние и старалась не упрекать, а терпеть, пока есть силы. Иногда, правда, намекала, что пора бы и одуматься, но запои становились все более и более привычными в его жизни. Она пыталась вызвать его на откровенный разговор. Альберт, в каком бы состоянии ни был, наотрез отказывался говорить о том, что его мучило. Редкие письма, которые получал от Василия, тоже не приносили ничего нового. Но однажды он сообщил, что видел Марину с каким-то мужчиной, у нее на пальце было обручальное кольцо.

Несколько лет семейной жизни пролетели незаметно. Родились две девочки. Люба работала и воспитывала детей, вела хозяйство. Казалось, все потекло по ровному руслу. У Альберта было много больных, но он был хорошим врачом. Иногда все же срывался, не выходил на работу. Зная привычки своего мужа, Люба всегда была начеку. Ей часто приходилось отваживать от него собутыльников. Мысль переехать куда-нибудь подальше, в другую страну, все чаще приходила Альберту в голову. Это даже не было мечтой. Жить на земле обетованной, в Израиле, это было его желанием. Семья тоже хотела этого. Новая страна, новая жизнь, это, конечно, дело интересное.

Альберт наведлся в Новосибирск – в облздравуправлении надо было получить накладные на лекарства и другие документы по работе. Еще он хотел поинтересоваться оформлением документов для выезда за пределы страны. Долго разговаривал с начальником отдела, потом решил заглянуть в столовую. Спустившись на этаж ниже, завернул по коридору направо. И что же... Он не поверил своим глазам! Перед ним стояла Марина. Мимо них проходили люди, кто-то здоровался, кто-то шел, не обращая внимания. А они стояли и смотрели друг на друга...

Первой пришла в себя Марина. Подошла к нему, к самому дорогому и единственному. Даже спустя много лет он оставался таковым.

– Альберт, дорогой мой! – еле выговорила она. – Где ты был столько времени? – Слезы катились по ее еще красивому лицу. Это были слезы радости, тоски, слезы несбывшейся мечты.

– Я здесь, Марина, здесь... – шептал Альберт, ничего не понимая.

Они стояли долго, говорили о чем-то, тут же забывая, они не могли насмотреться друг на друга.

– Альберт, ты куда-то торопишься? – тихо спросила Марина, глядя ему в глаза. Она сама не понимала, что делает и что спрашивает, но точно знала, что не хочет его потерять еще раз.

– Я не знаю, Марина... я куда-то шел. Ну, ничего. Я никуда не тороплюсь, – сказал он, не отрывая от нее взгляда.

– Давай уйдем отсюда, – предложила она.

– Как скажешь, – отвечал он.

Ему было все равно, лишь бы видеть ее, лишь бы говорить с ней, быть рядом. С ней, с Маришей, с которой простился на трамвайной остановке двадцать лет назад, которая хотела вернуться и не смогла.

Они вышли на улицу, о чем-то говорили, смеялись и не могли наглядеться друг на друга. Немного неопрятный Аль-

берт и утонченная, изысканная Марина. Она оставалась такой же красивой, только сеть морщинок пролегла возле глаз.

– Куда бы нам пойти, чтобы никто не мешал? – спросил Альберт.

– А давай в кафе за углом, – предложила Марина.

– Очень хорошо, с тобой хоть куда, – любуясь ею, отвечал Альберт. – Ты почти не изменилась, Мариша...

– Ты тоже... хотя нет. Ты изменился, стал строже и солиднее. Как и должно быть, – заметила Марина.

В кафе они сидели допоздна. Никак не могли наговориться, вспоминали многое. Она призналась, что ее не выпустили на улицу, даже на работу, пока она не согласилась выйти замуж за того, кого выбрали родители.

– Отец угрожал, что посадит тебя в тюрьму. И от страха за тебя я согласилась на все.

Человек, которого выбрали Марине, был слабым, беспринципным. Не получалось у Марины наладить с ним жизнь. Они были людьми чужими.

Даже рождение сына ничего не поменяло, не сблизило. Наоборот, холодная атмосфера в семье заставила ребенка замкнуться в себе, непонимание родителей отдаляло его все дальше и дальше. Из года в год это усугублялось. Неожиданно умер отец Марины. Пришел с работы уставший, ему нездоровилось, выпил сердечных капель, прилег, но это не помогло. Марина оказалось дома, и состояние отца ей не понравилось, она вызвала скорую помощь. Пока та приехала, отца уже не стало...

Ирина Иосифовна очень болезненно переживала смерть мужа. Она привыкла хорошо жить за его широкой спиной. У нее был свой круг знакомых, где она своим настроением делала погоду всем. Многие зависели от жены ректора по многим причинам. И единственным слабым местом Ирины Иосифовны была ее единственная дочь, которой, увы, она не могла гордиться. А как она об этом мечтала...

Альберт и Марина шли по ночному городу, взявшись за руки. Они шли и не думали пока, где им остановиться. Они радовались тому, что идут вместе. И говорить могли о чем угодно, ведь было что вспоминать.

– Альберт, ты должен где-то остановиться, наверное, – напомнила Марина.

– Зачем, погуляем, до утра осталось совсем немного. Мне все равно некуда идти.

– Пойдем ко мне! – сказала Марина.

– Нет, – решительно ответил он. – Давай посмотрим, может, есть место в гостинице.

– Как скажешь, – согласилась Марина.

Они надеялись, что в гостинице никого не встретят, что здесь их никто не узнает. Им дали номер на втором этаже. Окно выходило на тихую улочку, с одноэтажными домиками, аккуратно побеленными известью, с фундаментом из темного графита. Все увиденное успокаивало душу своей тихой несуетностью.

Марина думала о том, что будет после этой встречи. От растерянности, что осталась одна с бывшим мужем, молча стояла у окна, вглядываясь куда-то вдаль. Она старалась понять себя сегодня, когда нашла то, что так давно искала. Но мысли путались, не подчинялись ей.

– Мариша, что с тобой, посмотри, пожалуйста, и в мою сторону, – попросил Альберт.

Они долго смотрели друг другу в глаза, муж и жена, которых безжалостно развели по разные стороны. Сегодня они чужая жена и чужой муж.

– Неужели это со мной, моя дорогая Мариша?

– Да, это с нами, Альберт. Ты понимаешь, мы встретились...

Когда они проснулись, был уже полдень. Марина долго думала, что ей делать. И когда увидела, что Альберт тоже не спит, сказала, что сегодня на работу не пошла.

– Ни о чем не думай, ничего не говори, давай просто радоваться тому, что произошло. Я больше не хочу тебя терять – ты слышишь меня? – никогда!

– А как же наши семьи, в чем они виноваты? – умоляюще смотрела в его глаза Марина.

– Они ни в чем не виноваты, и мы никого не обвиняем, даже тех, кто нас разлучил. Пускай каждый из них сам отвечает за свои грехи. Главное – мы не должны больше расставаться.

Он рассказал Марине, что собирается переехать со своей семьей в Израиль. Но это ничего не меняет, он будет к ней приезжать, к своей Марише. Марина сразу сникла, как только услышала эту новость. Она только почувствовала себя нужной – и снова разлука. Сколько лет она была замужем, стала матерью, но не было счастья, надежды. Она задумалась, погрузилась. Альберт успокаивал, уверял, что никогда не упустит возможности приехать к ней, и просил не расстраиваться...

Когда Альберту сообщили, что документы готовы и назначили день переезда, он не был к этому готов, переживал, думал о предстоящих сложностях, но все оказалось очень простым.

Перед отлетом он выкроил минутку, чтобы заехать на работу к Марине. Неизвестно, сколько минут пролетело, но они были наполнены нежностью, ласковыми словами, улыбками. Марина провожала его до улицы, пожелала счастливого пути, и он знал, что она с нетерпением будет ждать его. Даже прощаясь на какое-то время, они были счастливы.

Они были рады своему запоздалому счастью...

Когда Альберт приехал в аэропорт, дети и жена обратили внимание на то, как резко он изменился. За все годы жизни с ним Люба не помнила его таким, она даже не представляла, что он может так веселиться. Сейчас она с удивлением наблюдала за ним. Но если даже позволила бы себе что-то спросить, он вряд ли услышал бы это. Жизнь его проходила рядом с ней, но он был в другом измерении. Она не

смогла приблизить его сердце, обратить к себе его чувства. Она была довольна жизнью с ним, его порядочность и человечность не сделали ее несчастной. Он любил своих детей. Раньше он не хотел ездить в город, а в последнее время находил кучу причин, чтобы побывать там. И часто он не возвращался в тот же день, хоть и была возможность. А по возвращении говорил, что через несколько дней ему опять надо будет отлучиться в город. Зачем? Люба не могла понять.

Когда самолет приземлился в израильском аэропорту, их встретили давние знакомые. Все проходило без суеты, спокойно и доброжелательно.

Жизнь на новом месте постепенно входила в нормальное русло. Хотелось, конечно, видеть и прежних друзей, скучали и по родным местам. И по дворику с деревянным навесом, где сидели с друзьями допоздна, и по работе, которая была пристанью для души. Там работали и вели сердечные разговоры, в которых намечались планы на сто лет вперед. И тоска по всему этому проходила очень трудно...

Через какое-то время Альберту удалось приехать в Новосибирск. Он заранее готовился к встрече с любимой женщиной. Даже знал, что скажет ей при этом.

Самолет приземлился в полдень. Погода была дождливая, такая здесь не редкость. Альберт стоял уже на автобусной остановке, слушал дождь. В этом было что-то очень родное и привычное. Он позвонил Марине, ее телефон был долго занят. Но он дозвонился вечером, когда устроился в гостинице. На телефонный звонок ответил незнакомый мужской голос.

Поздоровавшись, Альберт попросил Марину, на что сразу получил вопрос: а кто это? Он ответил, что это ее однокурсник, и тогда услышал:

– Мам, тебя...

Было слышно, как она шла к телефону, что-то на ходу объясняя сыну.

– Алло, слушаю, говорите...

– Мариш, это я. Приехал, чтобы утонуть в омуте твоих глаз. Как ты, у тебя все хорошо?

– Да, у меня все ничего. А где ты остановился?

– В нашей гостинице, ты помнишь?

– Конечно, я скоро буду, поговорю с сыном и приеду.

Два часа показались ему вечностью. Он не смог сидеть в номере, вышел в холл и от нечего делать наблюдал за людьми. Среди них не было ни одного знакомого лица. Задумавшись, он не заметил, как вошла Марина.

– Ну, здравствуй, дорогая, – восторженно сказал Альберт, раскрывая свои объятия, когда они вошли в номер.

– Здравствуй, Альберт.

Они были бесконечно рады друг другу. Наперебой рассказывали новости. И шелест листвы за балконом, и шум машин, и бурчанье дежурного – все это уже не имело значения. Они были рядом, были вместе.

Однако он заметил, что Марина, хоть и была очень приветлива, все же почему-то нервничала.

– Мариш, что у тебя за проблемы, какие отношения с сыном? – спросил он неожиданно, глядя ей в глаза.

Она немного растерялась, но рассказала, что отношения с сыном у нее напряженные. Сын очень хочет, чтобы отец жил с ними, что совершенно невозможно. Он уже студент второго курса, и все время заявляет, что уйдет к отцу.

– Я не думаю, что он так сделает, – вздохнула Марина, – потому что отцу Игорь совершенно не нужен. Он и себя-то не может обеспечить...

– Да, – Альберт задумчиво глядя куда-то перед собой, курил. – Может, мне с ним поговорить? А он знает, что я есть в твоей жизни?

– Нет, не думаю. Я не говорила. А его отец все время говорит о чем-то таком, хотя никогда меня с тобой не видел. Когда мама была еще жива, он ей тоже жаловался на меня. Мама

его поддерживала, но на них обоих реагировать не было у меня сил.

– А ты можешь познакомить меня с сыном? – неожиданно спросил Альберт.

– Я боюсь, – призналась Марина.

– Но так будет честно, и он поймет тебя, – настаивал он.

– Не знаю, надо подумать... Ты знаешь, я не могу сегодня здесь остаться. Очень за него беспокоюсь, – виновато сказала она.

– Хорошо, я тебя понимаю.

– Я знаю, ты хотел бы быть со мной, для этого ты прилетел из другой страны. Но что мне делать? Ты же мне не просто однокурсник, ты родной мой человек. Я бы хотела жить общими делами, проблемами и радостями. Нас развели, но я все время думала, что ты мой и больше ничей.

– Успокойся Марина, это все так. По-другому и быть не может. Да, я твой, и не хочу, чтобы какие-то проблемы ты решала без меня. Ты это слышишь?

Он утешал и успокаивал ее.

– Мариш, давай сейчас же поедем к вам.

– Ну что ж, – согласилась она, – а по пути подумаем, что сказать Игорю.

– Скажем, как было, как есть, – решительно произнес Альберт. – Он уже студент, взрослый человек. Не поймет сегодня, поймет потом.

К ее дому доехали быстро. Когда Игорь услышал звук открывшейся двери, не вставая с места, тут же начал упрекать мать. Марина и Альберт молчали. Игорь продолжал говорить, не отрываясь при этом от телевизора.

Марина хотела что-то сказать, но Альберт не позволил. Они по-прежнему стояли молча. Сообразив, что никто на него не реагирует, Игорь посмотрел в сторону прихожей. Увидев незнакомого человека, отвернулся и продолжал смотреть телевизор, но уже молча.

– Здравствуй, Игорь!

Ответа не последовало.

– Что, маму обижать легко? Или ты никого кроме нее не можешь достать? – спросил Альберт.

– Кто вы, и что вам от меня нужно? – привстав, спросил Игорь. – Это моя мать, и как с ней говорить, я знаю сам. А вы будьте добры, скажите, что здесь делаете?

– Я однокурсник твоей матери. Пришел вот, чтобы познакомиться с ее сыном.

– Значит, она пожаловалась вам, какой у нее ужасный сын, который хочет жить с отцом. А она, видите ли, не хочет этого.

– А почему ты не живешь там, где живет он? – спросил Альберт, с трудом выдерживая нагловатый тон юнца.

– Этот дом принадлежит нам с отцом, пускай мама уйдет отсюда.

– Да нет, это дом родителей твоей мамы, – ответил Альберт. Ему было крайне неприятно, что у его любимой Марины такой неблагодарный сын.

– Я не намерен это терпеть! – прервал его мысли Игорь. – И вообще, что вы лезете не в свои дела? Уходите, откуда пришли, или я за себя не отвечаю. Мама, ты слышала, что я сказал?!

Марина тихо плакала.

– А где твой отец? – поинтересовался между тем Альберт.

– С друзьями снимает квартиру. А зачем это вам? Да, иногда он выпивает. Ему ничего не остается, когда такие друзья. А мама не может этого, видите ли, терпеть, когда он выпивший. Ненавижу...

– Ненавидеть такую маму просто грех. Игорь, я бы хотел поближе познакомиться с тобой. Я всю жизнь так восхищался твоей мамой. И считал, что этой женщиной можно только восхищаться. И это должны делать все, кто ее окружает.

– Вы случайно не тот любимый, со студенческой?.. – ехидно спросил сын.

– А что, не подхожу?

Игорь окинул Альберта презрительным взглядом с головы до ног и злобно пробормотал:

– Только подобный урод стоит моей матери.

Альберт виновато смотрел в сторону. Игорь понял, что зашел слишком далеко, в подлость, тут же вскочил и стал извиняться. Он как-то сразу обмяк, из глаз его хлынули слезы. Он плакал молча, через минуту-другую подошел к матери и сказал, пряча взгляд, что отцу плохо там, одному, и он хочет домой. Потом снова просил прощения у матери и Альберта, просил понять его. Он хотел, чтобы мать пожалела отца, который не привык работать, болеет, и может пропасть, опуститься на самое дно.

– Зачем же пить, если здоровье плохое. Нужно что-то одно – или пить, или работать, – начал было Альберт.

– Вы, пожалуйста, не вмешивайтесь, и не учите мать. Она и так не жалуется отца! – прервал его Игорь. – У меня после всего этого совершенно нет желания учиться. Я решил бросить университет, если она его не пустит в дом! – последние слова он произнес с вызовом.

Марина попыталась ответить, но сын не давал и слова сказать, снова обвиняя и оскорбляя. Альберту понадобилась вся его выдержка, чтобы снести подобную сцену. Взаимные оскорбления не решили бы проблему, надо было найти выход из этой ситуации. Он был нужен и сыну, и матери.

Оставить все как есть и уехать – было бы не по-человечески. Позволить себе такое Альберт не мог.

Уже был поздний вечер, но спать никому не хотелось. Марина была сильно расстроена. Увидев любимую в ее реальном мире, Альберт сегодня понял, к чему привела ее воля родителей. У нее не было опоры, защиты, она была в тупике. Несчастливая и одинокая, с неблагодарным сыном, с мерзавцем мужем.

– Марина, уже поздно, я пойду. Утром я зайду за тобой, – устало сказал Альберт.

– Нет, пожалуйста, оставайся здесь. Я тебе постелю в кабинете, а сейчас пойдём пить чай, – просила Марина.

– А что ты его уговариваешь, пускай уходит, откуда пришел! – вмешался сын.

– Нет, Игорь, он только что прилетел из другой страны, и в гостиницу в такое время я его не пушу. Принимать в своем доме гостя я, наверное, имею право, – твердо ответила Марина и пошла на кухню.

Альберт и Игорь остались в комнате одни. Игорь был непредсказуемый молодой человек, но не совсем лишенный разума. Ему нужна была поддержка, причем мужская, надежная. Он искал это в отце и не мог найти. Потому и считал виноватой свою мать, беззащитную и ранимую Марину, которая не знала, что делать. После неловкого молчания Альберт заинтересовался, где он учится. Игорь нехотя ответил, что он студент технического факультета.

– Парень, я вижу, ты не глупый, – сказал Альберт, – все-таки иметь дело с высшей математикой и физикой, конечно, удел избранных. И если это так, то бросать вуз – просто проявить слабость. Я не думаю, что внук известного ученого может на это пойти. Ты хорошенько подумай, парень. Ведь не всем, кто даже может, дается возможность там учиться.

Альберт очень хотел помочь Марине и поэтому решил найти общий язык с ее сыном. Игорь слушал без интереса. В это время Марина попросила всех к столу. Они говорили о разных мелочах, вполне мирно, Игорь даже стал проявлять интерес к словам гостя. Марина, наблюдавшая за сыном, понимала, что это работа Альберта, который, конечно же, понимал, что от разлада в семье больше всех страдал сам Игорь.

Чаепитие затянулось допоздна. Но мужчины не собирались спать, разговор явно налаживался.

– Ну, тогда я пойду спать, оставляю вас одних, – сказала Марина.

– Да, мама, мы немного посидим...

Это на самом деле удивило Марину, она была безмерно рада. Сколько ей нужно было страдать, чтобы увидеть сына таким, вполне пристойно беседующим, с искрами интереса во взгляде.

Они сидели долго и говорили о разном. Игорь еще раз попросил прощения у Альберта, он объяснил свою ситуацию и ждал одного – чтобы его поняли. И когда между ними установилось и окрепло доверие, Игорь, смущаясь, спросил, как все-таки быть с отцом.

– Игорь, ты взрослый парень, хоть помощи для матери от тебя никакой. Ну как ты думал решить эту ситуацию? Отец твой ни работать, ни заботиться о семье не хочет, ты еще студент, а мать одна тянет все это. Ты считаешь, что это нормально?

– Нет, я не считаю это нормальным. Но отец пропадет, у него ничего нет, ни работы, ни жилья, никого...

– Ну, пусть находит работу. У него же есть специальность?

– Да, он инженер, но очень не любит это дело. Он вообще большой неудачник... жалко мне его.

– А как он себя чувствует на шее твоей мамы?

– К этому он привык...

– Ну, видишь как, а ты сколько из-за этого ее мучаешь!

– Действительно, простите меня еще раз...

– Ты у матери тоже не забудь попросить прощения.

– Хорошо, обязательно, дядя Альберт. Спасибо вам за этот вечер, еще раз прошу меня понять.

– Все нормально, давай теперь спать, – предложил Альберт.

– Да, конечно. Мама вам здесь постелила. Спокойной ночи.

Проснулись Марина с Альбертом поздно. Игорь давно уже был на занятиях. Он тихонечко встал и ушел. Марина попыталась узнать, как у них сложились отношения, но Альберт не посвятил ее в подробности. Только успокоил, сказав, что у нее отличный парень и все будет хорошо.

– Альберт, он хоть извинился перед тобой?

– Конечно, и не раз. Не переживай, Мариша, я теперь за тебя спокоен. Главное, все выяснили, он понял, и я его понял. Мы теперь с ним большие друзья.

– Дорогой, а ты рассказал нашу историю? – спросила она, немного растерявшись.

– Не задавай ненужных вопросов, главное – я за тебя спокоен. Это для меня очень важно. Моя принцесса, моя любимая женщина. Как хорошо, что я приехал и хоть что-то изменил в твоей жизни к лучшему.

– Да, конечно. В такое непростое время бог опять тебя послал ко мне. И в этот раз только ты смог помочь. Я не хочу тебя никуда отпускать, но видишь, как все получается.

– Не переживай, Мариша, где бы ни был – я твой, если я так тебе нужен.

– Ты же знаешь, что кроме тебя мне никто не нужен.

В жизни Марины наконец-то установился долгожданный мир. Игорь ждал Альберта, чтобы поделиться своими новостями, посоветоваться насчет новых дел. Он был и оставался его лучшим другом, советчиком. Действительно, ему не хватало такого надежного плеча. Отец никогда не уделял ему времени, и он сильно от этого страдал, обвиняя всех и каждого.

Альберт, в свою очередь, был и слушателем хорошим и другом надежным. Его приезд для матери и сына был одинаково желанным. В этот раз Игорь спросил, когда улетает самолет, узнав, извинился, что не успеет проводить его. Пожелав счастливого пути, он побежал в институт. Марина и Альберт оставались дома. У них еще было немного времени побыть вдвоем.

В аэропорту они тоже говорили без умолку, и когда задержали рейс на два часа, это было таким счастьем, просто через край! А когда все-таки объявили посадку, Марине стало нестерпимо грустно. Заметив это, Альберт стал утешать ее, сказал, что прилетит снова при первой же возможности. Она, всхлипывая, сетовала, что это будет не скоро, уверяла, что чувствует это...

Игорь был уже дома, когда вернулась мать. Он работал над чертежами. Услышав стук входной двери, крикнул, приготовить ли чаю. Марина была расстроена и, ссылаясь на головную боль, поспешила в свою комнату, чтобы прилечь и отдохнуть. Позже, когда они сидели за столом, Игорь спросил у матери, кем им доводится дядя Альберт. Марина поняла, что пришло время рассказать обо всем: кто такой Альберт и зачем он им нужен. Она очень переживала и боялась, что сын ее не поймет и забытые в семье неурядицы начнутся с новой силой. Но и откладывать разговор не было смысла...

Игорь слушал молча, не перебивая. Марина по реакции сына поняла, что они с Альбертом этой темы не касались. Потому ей было непонятно, что творится в душе у сына. Он молчал, но ни злобы, ни обиды в его глазах не было. Он не напомнил об отце, и Марина видела, что Альберт ему тоже был нужен. Игорь чувствовал в нем опору, мог говорить обо всем.

Альберт постарался стать ему настоящим другом. Когда он с ним прощался, без свидетелей, попросил быть мужчиной в доме. Игорю такое отношение нравилось, он обещал, и обещания своего нарушать не собирался.

С тех пор прошло три месяца. Марина и Игорь ждали приезда Альберта. Каждый – по-своему. У Игоря было куча планов, идей, с которыми он хотел познакомить Альберта, узнать его мнение. Марина просто ждала любимого человека. Прошли еще две, три недели, месяц, другой. Но его не было. А когда – через полгода – Альберт приехал, он выглядел сильно постаревшим, глубокие морщины пролегли вокруг глаз. Позвонил из аэропорта, но домашний телефон Марины молчал. Он поехал в университет к Игорю и встретил его на проходной. Игорь обрадовался встрече. Он был не один, а с девушкой. Извинившись перед ней, он увлек Альберта в ближайший сквер, чтобы спокойно поговорить. Вопросов было много, но первый: почему так долго не приезжал. Альберт рассказал, что похоро-

нил жену. Она умерла перед самым его отъездом, а оставить детей в такой момент он не смог.

Игорь близко принял его потерю. Он пытался успокоить, пригласил домой. Альберт не знал, что делать. Он не решался пойти, но и отказаться не мог. Спросил, как чувствует себя Марина. Игорь рассказал, как они ждали его, и, честно говоря, уже потеряли надежду увидеть его.

– Мама сейчас сильно занята на работе, но к вечеру придет. Я все-таки настаиваю, чтобы вы приняли мое приглашение.

Дома Игорь быстро разогрел еду, и за обедом, дожидаясь Марину, они говорили о его новостях и планах. Игорь рассказал, что с большим трудом поправил дела в университете. Сейчас у него уже все хорошо.

Когда Марина открыла дверь, услышала голос сына, который увлеченно говорил... Но с кем? Заглянув в его комнату, она ахнула. Рядом с сыном сидел Альберт и внимательно его слушал. Они даже не заметили, как она зашла в дом. Тихонько постучав, она вступила в комнату и поздоровалась с Альбертом.

– Мама, у дяди Альберта умерла жена...

Соболезнования Марины были искренними, ей было жаль его, вытирая глаза, она ушла на кухню под предлогом приготовить ужин, сидела там некоторое время, печально глядя перед собой. Конечно, жизненные пути Марины и Альберта, начинавшиеся как один общий, были нелегкими и запутанными – и радость, и утраты, понять было очень сложно. Не было им и сейчас покоя. «О боже, сколько этому длиться! – с тоской в душе думала Марина. – Как я могла в нем сомневаться, если даже он не приехал. Господи, спаси и сохрани наши души. Дай покой ушедшим. Я не грешна, я всего лишь жертва гордыни. И что же делать, где я не права, как же мне быть, чтобы потом не пожалеть...»

– Мариша, что с тобой? Вся как-то сникла? – ее беспокоящие, полные печали мысли прервал Альберт. – Я же здесь, рядом с тобой. Или ты не рада мне?

– Ну что ты говоришь, мой дорогой? Я просто благодарю всевышнего, что ты здесь. Я так истосковалась, переживала, и вообще думала, что ты не приедешь. А где Игорь? – спросила Марина.

– Он вышел по делам, скоро придет, – успокоил ее Альберт. – Я знаю, что ты переживала. Действительно не было возможности ни позвонить, ни предупредить. Но, знаешь, Мариша, давай, используем время, данное нам свыше, не на обиды, а на все приятное. Я здесь, мы снова вместе, и ничего больше не нужно говорить. Я приехал к самым дорогим мне людям, и мне хорошо.

Эти слова тронули ее. Маришей он звал ее еще тогда, во время учебы, и когда они были женаты. Он это помнил и не смог забыть ту Марину, хоть и прошла целая жизнь. В этой жизни оба имели свои семьи и вырастили детей. Но они вновь нашли друг друга. Они пронесли свои чувства через годы и многие трудности. Они больше не хотели терять друг друга. Сегодня Марина ничего не хотела вспоминать из прошлого. Судьба все-таки вернула ей Альберта. Благодаря ему она, в сущности, вновь обрела сына, чуть было не ставшего чужим. Игорь на удивление сильно привязался к Альберту. Он ждал его, как отца родного, главное – он верил каждому его слову, он видел в нем мудрого человека, внимательного и деликатного, заинтересованного всеми его проблемами и радостями. Но все-таки ему было непонятно, как теперь будут развиваться их отношения.

И когда он набрался смелости и спросил у Альберта, тот тоже не стал ходить вокруг да около. Он признался, что всю жизнь он любил и любит только Марину. И ради них приезжает сюда. Польщенный Игорь, немного растерявшись и покраснев, спросил, можно ли считать его отцом.

– А я и так считаю тебя сыном, – просто ответил Альберт, – если ты, конечно, не против.

Альберт понимал Марину и был доволен, что сумел защитить ее в этой неразберихе. Был рад, что направил Игоря в

нужное русло. Возраст, когда происходит становление личности, не сломал парня. Он был счастлив, что в нужное время оказался рядом с Мариной.

– Да, Альберт, что бы я без тебя делала? Как хорошо, что ты здесь. Господи, как спокойно рядом с тобой. – Она прижалась к нему. Ей давно не было так спокойно.

– Ну, ты расскажи, что у тебя было нового за это время? – спросил он.

– Да что могло произойти? Ничего особенного. Просто ждали мы тебя. И с сыном все спокойно, это самое главное.

Они долго сидели, рассказывая о своей жизни в этой долгой разлуке, с того самого часа, когда Альберт проводил Марину до троллейбусной остановки, чтобы она поговорила с родителями. Они – уже немолодые люди – наконец-то узнали, что все-таки произошло с ними тогда. Это было несчастьем для обоих. И они больше не хотели вспоминать этого. Они все забудут и начнут новую жизнь. Он будет приезжать, Марина его будет ждать, встречать....

Осень жизни им хотелось бы прожить в сиянии ее тихой радости. Им хотелось просить у осени, чтобы закружила их в хороводе, но не в прощальном. Мечтали долго жить в блаженстве золотой поры. Ведь молоды они еще душой и телом. Им рано еще в зиму, где холод и безмолвие. Они довольны, и очень довольны. Время бабьего лета. Подожди, осень, еще немного подожди!

БЕРЕГА, БЕРЕГА...

Рассказ

Берега, берега, берег этот и тот...

Песня, которая навевала тоску, воспоминания. Приятные и тоскливые, болезненные и восхитительные. Все, казалось, возвращало сознание, и для Софии это была ностальгия, тоска по тому, что, казалось, покинуло ее. Это были новые впечатления, чувства, тревоги, и вообще...

Все это ее настораживало, она боялась, себя, свою тоску и даже ностальгию. Она всячески старалась сосредоточиться, все обдумать, но сознание отключалась, она как будто отсутствовала. Предложение Нади, ее лучшей подруги, поехать на море, так и висело в воздухе. Начало отпуска было до непонятного сумбурным, и затяжная дождливая весна, и лето, которое не хотело наступать, были пугающими. Но Надя все-таки уговорила ее, и они приехали-таки на юг, где буйствовала тропическая растительность в ярком колорите, где шеренгой стояли строгие, задумчивые кипарисы и роскошные пальмы. В этом уголке Эдема душа обязана была быть в гармонии с природой. Ну просто ни о чем больше не было сил думать, кроме как об отдыхе.

Быстренько устроившись и бросив там вещи, подруги направились к морю. Надя имела такую слабость – подойти и поздороваться с ним, непременно окунуть ногу, а потом лишь можно было и покупаться, понырять, и поплавать. Бескрайняя, необузданная стихия – это все, что она до конца обожала. Немного помолчав, она посмотрела на Софию, которая расте-

рянно наблюдала за бегущей волной и восхищалась изумрудной чистотой воды.

– Ну, что, Соф, а море такое же лазурно-синее. Как же мы были правы, что приехали сюда.

– Да, наверное, но сколько дел осталось дома недоделанных. И отпуск как назло короткий, – все переживала София.

– Ладно, ладно, ты лучше подумай о том, чтобы не сгореть на солнце. А крем-то ты захватила с собой? Я так плохо переношу солнце, особенно в первые дни... Дай бог здоровья тем, кто его придумал. Получается самый ровный, гладкий загар, – все не унималась Надя, растирая себя кремом от загара.

Она убеждала Софию сделать то же самое.

– Да... Но мне не очень нужен этот крем, я и без него нормально загораю.

Но все равно под напором Нади она начала смазывать себя кремом. Надя всегда считалась девушкой решительной и веселой, и немного замкнутой, Софии легко было с ней, она напрямую дополняла ее, она никогда не думала о том, как и что говорить. Благодаря Наде легко выходила из любой ситуации. Вообще она была ей во многом благодарна.

Подруга всегда протягивала ей руку помощи, особенно морально. София сама была, в сущности, женщиной самодостаточной. Ее главная цель в жизни – это успех ее семьи. Она жила жизнью своих детей, мужа, да и своя работа тоже не была на последнем месте. Она всегда устраивала какие-то дела, чего-то добивалась, договаривалась, и в этой суете она проживала, используя себя по полной. И мысль Нади отдохнуть на все сто, а если удастся, то и закрутить роман с каким-нибудь горячим кавказцем, ей казалась, по крайней мере, легкомысленной.

Гостиница, в которой устроились подруги, была в двух шагах от моря, и, поужинав, они собрались пойти на пляж, посидеть, подышать, посмотреть на чистое южное небо, усыпан-

ное звездами. Хотелось вспомнить астрономию, астрологию, и еще что-то вспомнить...

На берегу моря их приятно удивило и кафе с романтическим названием «Курортный роман». Можно было посидеть и послушать музыку. И баритон, которым пел молодой, приятной внешности армянин, звучал особенно. Его своеобразное пение, с легким акцентом, было великолепным.

– Соф, а давай зайдем в кафе, закажем по чашечке кофе и потанцуем, – предложила неожиданно Надя.

– Ну, не знаю... Как хочешь... – все что-то обдумывала София.

Пока она думала, подруга ее буквально потащила и посадила за первый столик при входе. Публика, которая сидела там, была самая разная.

Молодые девушки, изрядно выпившие, танцевали не жалея ног. Местные ребята, сидевшие компанией, наблюдая за ними, шутили и подталкивали друг друга, чтобы присоединиться к ним. Обстановка располагала к отдыху, и теплый южный вечер, и легкий бриз с моря способствовали этому.

София давно не была в таком месте, все песни и концерты она смотрела исключительно по телевизору. Если не сказать, что раз в год она могла быть на чьем-то концерте у себя дома. Она изучала сцену с близкого расстояния, ее приятное удивление все возрастало – на сцене был Он, бог и дьявол. Он пел божественно, и все растворялась в песне. Не было ни прошлого, ни будущего. Все становилось неведомым, и Софию словно оглушило. Ничего не замечалось, не чувствовалось, только Он и больше ничего. Она даже не видела, как подруга уже долгое время не отводила своего взгляда от нее.

– Ты, по-моему, не пожалела, что оказалось здесь? – ехидно спросила

Надя. Но София и это пропустила мимо ушей, ей было все равно. Она слушала и слышала только Его.

– Боже мой, сколько раз я слышала эти песни, а слушаешь как в первый раз, – снова с ехидством подчеркнула Надя.

Потом пели еще и еще... Мелькали силуэты танцующих, но и их она не замечала больше. Казалось, весь мир спит, и Он поет только для нее. «Что это со мной? Что это за ерунда, непонятно?» – София не могла ответить на поставленные перед собой вопросы.

И все же...

Вечер песни длился допоздна. И София, покидая кафе, еще раз посмотрела на пустую сцену. Его там не было. Он вышел покурить, отдохнуть. Он изменил в ней что-то внутри, у нее все протестовало. Она на миг забыла о семье и повзрослевших детях. «Господи, да что это такое? – думала София. – Я приехала отдохнуть, набраться впечатлений. И вот...»

Она, конечно, умом понимала, что должна освободить себя хоть на какое-то время от домашней рутины и своей журналистики....

Утро следующего дня оказалось ветреным, и София с необъяснимой тоской подумала, что если нет солнца и хорошей погоды, значит, и не будет вечера песни. И как бы продолжая свои мысли, она наблюдала за Надей, которая и не думала расстраиваться ни по какому поводу.

– Надя, – протяжнее обычного спросила София, – а что у нас сегодня на вечер?

– Не знаю, а что ты хочешь? – спросила Надя, внимательно посмотрев в ее глаза. – Ты вчера так внимательно слушала эти песни, как в первый раз в своей жизни. Хотя ты миллион раз слышала на каждом углу рыночной площади. Только мне интересно – это ты песни слушала или же его, – все не хотела остановиться подруга. – А он хоть куда, красавец, по-моему, очень даже. Мне нравятся такого типа мужчины. Кто же он, интересно, по гороскопу? София ее практически не слушала, и ей совсем было не шуток.

– Ладно, Надя, шутки шутками, я же в конце концов серьезная и далеко не молодая.

– Да, куда там! – подразнила Надя. – Я думаю есть еще порох в пороховнице. И женщина ты видная, хоть куда!

– Надя, ты хоть понимаешь, о чем ты?

– Софочка, ну почему ты все отрицаешь? Ты же на самом деле очень даже интересная женщина. Я с таким удовольствием провожу с тобой время, что никого больше и не хочу. Натура, конечно, ты сложная, творческая, неординарная, и тебе самой непросто, – все не унималась подруга.

Софию это уже раздражало, хоть и понимала, что подруга права. Она не хотела признаваться, что Он ей нравится. Он просто ее очаровал. И это был взрыв в ее сознании, в душе. Та внутренняя борьба была серьезным испытанием для нее. Неглупая, современная, до последнего занятая бытом, детьми, и менять что-то не входило в ее планы. Она просто слишком ответственный человек. Напряжение в жизни, в работе – это было ее нормальным ритмом, то, к чему она привыкла. Она никому ничего не поручала, наоборот, все брала на свои плечи, думала и делала сама. И вдруг вот так. И эта поездка на море хоть и была неожиданной, но очень необходимой. Ничего не планируя, она увидела, почувствовала нечто, от чего давно отказалась и даже отвыкла.

На следующий вечер подруги решили повторить свою культурную программу, и, после того как погуляли на берегу, зашли в кафе, заняли свое прежнее место, заказали кофе.

– Соф, а какая твоя любимая песня? – не унималась Надя.
– Мне бы весь репертуар Шуфутинского.

Сегодня она была настроена потанцевать. И танцевала до усталости. А София не могла оторвать взгляд от холеного красавца-армянина, который соловьем заливался, не оставляя в ее душе пустого уголка для тоски, полностью заполняя ее мечтой, отправляя в полет, в невесомость. Она была бессильна перед такой властью таланта.

Познакомились они неожиданно. Поговорив о том, о сем, София сказала, что все лучшие сцены мира отдала бы ему. Он улыбнулся, поблагодарил.

– Сегодня Вы придете отдыхать в кафе? – поинтересовался Он.

– Наверное, придем.

– А что Вы любите слушать?

– Мне очень нравится песня «Берега», да все, что вы поете, – ответила София.

– «Берега» – очень трогательная песня, у Вас неплохой вкус, – ответил Он. – Я спою ее как-нибудь для Вас, – пообещал любезно и очень неожиданно.

София призналась, что эта песня для нее – что-то очень личное, напоминание о том особенном... И вечер за вечером она слушала эту песню, которую Он пел только для нее. Он всегда напоминал, что поет для нее. София понимала, что все это пройдет и что это всего лишь счастливый эпизод в ее обыкновенной жизни.

Последний вечер на побережье был просто восхитительным. София с утра думала о Нем, вспоминала все вечера, проведенные здесь. Она вспомнила, как приезжала девушка из Москвы, чтобы отметить свои именины и послушать Его. Танцевать под Его исполнение. Смотреть на Него глазами, полными любви и очарования. И каждая, которая отдыхала в этом кафе, была уверена в своей неповторимости, танцуя под Его исполнение, очаровываясь Его шармом, тем как Он поддерживал всех со сцены. Все те, которые слушали Его, имели право думать, что мастер хочет только Ее одну осчастливить, и только ее отношение к той или иной песне он разделяет. И это было понятно. Талант мастера был неповторим. А он достоин был лучших сцен и бурных оваций. Весь день она говорила какой-то сумбур, все делала так, как будто руки росли не с той стороны. Она забросила свои дела, очерки, статьи... Она отдыхала и думала о Нем. Она была просто увлечена. А

вечером, услышав в кафе свою любимую песню, она замирала от избытка чувств, эмоций и немножко от щемящей боли. И к чему это могло привести, она просто не думала, не хотела делать ничего для того, чтобы исправить ситуацию. Солидная женщина с очень молодой душой была переполнена чувствами. Она растворялась в песне, она восхищалась певцом. И именно такой порыв наверняка позволил автору написать такую песню. Ведь незабудки тоже цвели на другом берегу.

София, забыв о реальности, думала вслух, и Надя, внимательно наблюдавшая за ней, улыбнулась, и тактично, чтобы не обидеть, сказала, что песня действительно прекрасна.

София не слушала, она в последнее время ничего и ничего не слышала. Наверняка эта встреча, такая неожиданная и приятная, заставит маяться после. Но об этом она просто не хотела думать. Был вечер, они несколько раз подходили друг к другу, говорили, улыбались. Он знал, что этот вечер был прощальным. Эмоции перехлестывали. Он со сцены объявлял, что на прощание он споет ее любимую. София слушала на одном дыхании, и песня, и слезы, и уже прохладный, тихий морской бриз, и сцена – все сегодня принадлежало Софии. Он тоже пел только для нее. Казалось, в зале больше не было никого. Он наблюдал за ней, она не могла оторвать взгляд от сцены, от него...

Она завтра уедет в свой, давно созданный мир. Где ее рабочий стол, семья, дела и обязанности. А сегодня, сидя в кафе «Курортный роман», она думала, что еще не вечер...

Автобус на следующий день точно по расписанию привез ее домой. И это кафе, и этот вечер остались там, на том берегу, где цветут незабудки. И, возможно, чувства, переполнявшие ее душу, не позволят погаснуть огню, разведенному там, на том берегу.

– Берега, берега, берег этот и тот...

И цветущие незабудки – это символ высокого, перед которым слаб самый сильный. И встречи возможны...

НА ОХОТЕ

Рассказ

Несколько дней не утихала вьюга, наметала сугробы возле моей лачуги. К привычной уже скуке прибавилась и нехватка еды – вьюга и мороз не позволяли выйти из дома.

Ну а сегодня, ближе к полудню, погода словно пообещала исправиться: туман порозовел, сквозь него пробился солнечный лучик и скользнул в комнату, выхватив из полумрака столик и стоявшую на нем тусклую лампаду. За этим столом мы обычно обедали, здесь же готовил уроки и рыженький Димка.

Необыкновенный мальчик. Он старался, как мог, однако совсем не понимал в математике, зато к географии проявлял живейший интерес, к примеру, мог наизусть перечислить все африканские страны, их расположение, особенности... удивительное дело, эти названия не то что запомнить, но и выговорить-то было трудно.

Тоненький луч солнца взбодрил всех, дал надежду на хорошую погоду, на охоту, на сытный обед. Даже воробьи, которые прятались от вьюги в чердачных проемах, повеселели – этот маленький лучик света дал им тоже на что-то надежду, и чириканье у них продолжалось довольно долго.

Прошел еще день и полдня, но выйти на дело было небезопасно. Непогода на охоте, как плохой друг, любит делать неприятные сюрпризы. От безделья, я сегодня лег спать рано и долго ворочался. Мысли шли самые разные, но все сбивались на одну: о ночной охоте, на полнолуние, когда в лесу ни малейшего дуновения ветра и полная луна заливают серебром

заснеженные деревья. И ночью, как и днем, можно разглядеть каждую тропинку. Даже олени в такую ночь какие-то вялые и медлительные, такое впечатление, будто и на них влияет романтика лунной ночи...

С этими приятными мыслями я заснул крепким сном. Снились мне лесные тропы, широкие и узкие. И вели они в бесконечность, в густой туман. Все тропы словно растворились в этом тумане.

Мой сон был прерван стуком в окно. Я не сразу понял, что это было: то ли продолжение сна, то ли стук вторгается в явь. Просыпаться не хотелось, но стук повторился еще раз. И в это время Димка встал, подошел ко мне и начал меня трясти.

– Папа, проснись!.. Кто-то стучится. Я боюсь открывать двери.

Нехотя открыв глаза, я понял, где сон, а где явь. Резко вскочив, пошел открывать дверь. На пороге стоял егерь-сосед, из соседнего с Андреем села. Увидев меня сонного, егерь заругался, а посмотрев в глаза, как-то по-доброму сказал:

– Одевайся, друг, метель утихла. И лунная ночь нас просто обязывает пойти на оленя. А там посмотрим, что будет. И сова кричит, долгим глухим криком, значит, спокойная будет ночь.

Собрался я мгновенно. Меня веселила мысль, что задуманное просто материализовалось. Желание мое исполнилось. Это было невероятно и приятно. Надо же: и тропа, и луна, и олени. Все это действительно рядом. У всех троих была одна надежда, ну что греха таить, все мы живем лесом, охотой. Без этого никуда.

По пути в лес рассказывали друг другу про метель, и как лучик солнца каждому дал надежду и каждого рассмешил. И чуть задержавшись, исчез. Но после него долго еще было светло в темноватом, зябком доме. Сейчас все поняли, что все уже позади, скоро будет и еда, а с ней и уют, и покой.

Мы с Андреем шли за егерем. Давно были знакомы эти тропы. Но я все думал о своем сне, где лесные тропки поглощались туманом. И странное ощущение ни на миг не покидало

меня. Я смотрел вокруг с некоторым опасением, даже завидовал где-то в душе своим приятелям, что они ни о чем не думают. И неожиданно для себя самого спросил у них:

– А что будет, если с кем-то из нас троих что-то случится?..

Оба от неожиданности опешили, а егерь, улыбнувшись, посмотрел куда-то в сторону тропы и сказал:

– Будет его дом в полном пансионе у тех, кто останется.

Эти слова больно прошлись через всего меня, и я с ужасом подумал о Димке, матери и собаке, которая не могла дожидаться кости, а когда получала, долго играла с ней, и лишь наигравшись, начинала грызть.

Егерь, внимательно посмотрев на меня, спросил:

– А что ты такой несобранный, задумчивый? Может, что случилось?

– Нет, все нормально, все в полном порядке.

Я всячески отгонял от себя неприятные мысли. Даже не мог понять, откуда они появляются. Вроде бы занятие абсолютно привычное и даже желаемое. Но мысли не давали покоя, занятый ими, я вдруг осознал, что отстал от друзей.

Посмотрел вокруг... Никого, ничего. Где они могут быть? Может, спрятались и смеются надо мной? Но нет... Никого, нигде. Даже деревья, высокие и черные, и то стараются меня напугать своей чернотой и голыми ветками. Мне стало жутко. В ясную лунную ночь я не мог найти тропу, которая вела к тому месту, куда мы шли. Сугробы были разные: где-то высокие, а где-то нет, и на них никаких следов. Кое-где снега не было, и земля была открыта. Я не знал, что делать. Крикнуть было нельзя, испугать зверя не хотелось...

И вот вспомнил свой сон. От страха и нестерпимой тоски выступил на лбу холодный пот. Я решил выйти из леса, во что бы то ни стало. И, как в сказке, начал думать, в какую сторону пойти. Налево, направо, вперед, или как?

В лихорадочных раздумьях прошло какое-то время. И вдруг справа, из глубины леса, услышал два выстрела из охотничьего

ружья. Я понял, что это они, мои друзья, где-то рядом. Обрадовавшись, подумал, что я не покинут в глубоком зимнем лесу. Послышались еще какие-то, непонятные звуки, но я не придавал этому значения.. Меня охватила радость, что друзья нашлись.

«Господи, а я-то уж думал... Ну конечно же, они нашли оленя, и все тихо, быстро... в общем, как всегда». Я машинально отломил кусочек от сухой ветки и начал крутить его между пальцами, и сломав его, бросил и начал тереть его ногой. И путаясь в мыслях, не понимая, радоваться или огорчаться, я хотел поднять эту полураздавленную деревяшку. Нагнулся и увидел, что стою на тропе, по которой мы недавно шли. «Боже, но почему я не увидел сразу? Сколько я эту тропу искал? Что это я здесь стою, и вообще, почему я не с ними?»

Я бросился вслед по этой тропинке, в глубь леса. Я шел вперед, думая только о том, что увидел тропу. И очередной выстрел из охотничьего ружья заставил меня остановиться. Я не смог пошевелиться. Мне было трудно сделать самое незначительное движение. «Что это со мной?»

Весь покрытый холодным потом, дрожал, не понимая, что со мной. Резкая боль в области левой ключицы скрутила меня. Я дотронулся до нее правой рукой, и что же? Мой старый тулуп был в дырках и весь в крови. «Откуда эта кровь? Разве могут Андрей и егерь целиться в меня?» Слабость и головокружение будто отключали мое сознание. Сильная жажда мучила меня. Правой рукой я дотянулся до снега и с жадностью проглотил все, что смог наскрести. А потом еще и еще...

Немного придя в себя, я присел, а потом прилег на небольшой сугроб, под которым лежал толстый слой прошлогодней почерневшей листвы. Я хотел спать, не чувствовал ни холода, ни боли. Тропинка уходила непонятно куда, нечеткими становились силуэты деревьев. Показалось, что рядом пробежало что-то большое, сильное, ломая сухие сучья, скрипя сухим снегом. Но все это происходило уже без меня, оно меня как будто не касалось... Все это было...

Я пришел в сознание и долго смотрел вокруг. Не понимал, где я, что со мной. Но очень хотелось понять все это. Кругом все было белое, я не чувствовал своего тела. От беспомощности я закрыл глаза. С трудом раздвинув веки, увидел незнакомого человека, он направлял на меня свет, и этот свет ослеплял меня. Я хотел снова закрыть глаза, но он не позволил.

– Ты счастливчик, – посмотрев на меня, сказал доктор. – Ты молодец, ты выжил!

Я лежал и не понимал, в каком месте я такой молодец. Приложив все усилия, спросил:

– Где я?

– Ты у нас, в больнице. Неужели ничего не помнишь?

У меня не было сил ответить, и я покачал головой.

– Твои друзья нашли тебя почти в лесу, замерзшего, с большой потерей крови, и привезли сюда. А мы вот постараемся поставить тебя на ноги. Посмотрим, что у нас получится.

Он мне рассказывал все это, а у меня даже сил не было слушать. Я закрыл глаза, а сон все не шел, я словно падал в пропасть. Порой пытался что-то вспомнить...

Прошло еще какое-то время, и чей-то взгляд снова заставил меня открыть глаза. Я с большим трудом сделал это... и увидел перед собой голубые глазки, полные радости, и рыжую головку Димки. Он смотрел на меня с каким-то непонятным испугом. Я хотел дотронуться до него, но, увы...

– У тебя нет левой руки, – прошептал Димка, и слезы покапались по бледному личику. – Но ты не переживай, я все время буду рядом, буду тебе помогать. Мы с бабушкой молились за твое выздоровление. Даже мама приезжала и спрашивала о твоём здоровье.

Эти слова, напоминание о жене, меня как бы ударили током. Кому ее жалость нужна? Пускай живет там, куда ушла, бросив меня, маму, а главное, Димку. Димка, как будто поняв мои мысли, сказал, что мама хорошая, и она очень жалеет обо всем.

Я ничего не ответил, только в Димкиных глазах увидел такую тоску и боль, что у самого выступили слезы.

– Конечно, сынок, все будет хорошо, только и смог сказать.

– Мы с тобой мужчины...

– Папа, скоро придет бабушка, она сказала, чтобы я ее здесь подождал. Можно, я буду рядом с тобой?

– Ну да, конечно, Дим, где ты еще будешь?

Мы помолчали какое-то время.

– Дим, а что со мною было? – спросил я.

Мальчик удивленно открыл глаза и тихо сказал:

– Папа, а в тебя стреляли. Ты долго лежал на снегу, и почти обмороженного тебя нашли какие-то люди и привезли сюда.

– А где егерь и Андрей? – поинтересовался я.

– А-а, они? Да они ходили на оленя. Привезли нам почти целую тушу. Только бабушка не захотела брать. Но они заставили и сказали, что пойдут тебя искать. Но они тебя не нашли. К нам даже милиция приходила, спрашивали все.

– А потом? – снова поинтересовался я.

– А потом долго всех милиция допрашивала, но я их давно не видел. Тебя нашли другие.

– Дим, а сколько времени я здесь?

– Да уже месяц с лишним.

– А где мои ноги, я их не чувствую?

– Они у тебя частично обморожены, но врачи сказали, что их можно вылечить.

– А я буду ходить, сынок? – с жуткой болью в душе спросил я.

– Не знаю батя, не знаю, – снова сказал Димка, не глядя мне в глаза.

– Так вот почему приезжала мама, думала, я умру, и чтобы перед тобой совесть была чиста.

– Неправда, папа, она хорошая. Она нам кушать варила, постирала вещи и убрала в доме.

Я молчал, понимая свое состояние. Что теперь я могу сделать для сына и старой матери? Хоть мать будет рядом с ним – все переживал за сына.

Эти мысли уносили меня далеко. И только скрип двери вернул меня в реальность. На пороге стояли мама и бывшая жена. Глаза матери были полны слез и надежды, а глаза Вари, жены, полны раскаяния и боли. Я смотрел, не понимая ничего. А Варя подошла и погладила мой вспотевший лоб.

– Как дела у нас, дорогой мой?

Слезы душили меня и ее. Только Димка и мама стояли между нами и смотрели на нас обоих по очереди.

– Хорошо, – еле выдавил я из себя. Перед глазами шла жизнь с ней, и без нее, как черное и белое, как смерть и жизнь. Я начал понимать, что жизнь это лучшее для всех нас. И боль, которая держала все это время, расступалась. И радость, как тот маленький солнечный зайчик, который радовал нас после суровой вьюги, была нескончаемой, дорогой и желанной. Но почему это должно было пройти через боль? Все это тоже было...

Лето подходило к концу. Я сидел во дворе под старой вербой, подставляя солнечным лучам свое больное тело. Я думал, что богом дарованная жизнь бесконечна и прекрасна. Рядом со мной дорогие мне люди. «Я люблю вас, дорогая моя семья», – мысленно повторял я. Но мои мысли прервал скрип открывающейся калитки, и я увидел того самого егеря.

Я смотрел на него и не мог понять, что это с ним произошло. Он как будто постарел на целую жизнь.

– Что с тобой? – не выдержав первый, спросил я.

Ничего не ответив, он поинтересовался, как у меня дела? Мы долго смотрели друг другу в глаза.

– Прости нас, Богом прошу, прости. Мы испугались, когда тебя увидели уходящего.

– Значит, я на полном пансионе у вас? – ехидно спросил я.

– Это очень плохо, что так. Но еще не вечер. Может, мы будем у тебя на пансионе. Андрей еще сидит, а меня вот Варя

вызволила из тюрьмы. Я не знаю, как теперь искупить свою вину. Скажи хоть, как ты?

– Уходи, быстрее уходи! – крикнул я.

Он встал, направился к калитке и, повернувшись, сказал:

– Ко мне едет дядька из Сибири со своими травами и снадобьями, прошу тебя, позволь себя посмотреть. Он по просьбе Вари едет, чтобы тебя лечить.

Я слушал, захлебываясь разочарованием и злостью. «Ну не мог я просто ошибиться, Варя не стоит внимания никакого», – думал я. Егерь ушел уже давно, а я не мог зайти в дом. Ну почему она его простила, неужели все заново, все обман? – не мог успокоиться я.

– Не думай ничего плохого, дорогой, – прервала мои мысли Варя, которая стояла позади меня. – Я очень надеюсь, что дед поможет тебе.

– А если нет? – раздраженно спросил я.

– Мы будем всегда рядом...

Непонятное чувство тоски и возмущения не давало возможности примирения, прощения, чтобы это было закончено и забыто совсем, до конца. «Ну почему мне всегда что-то мешает, какая-то малость, чуть-чуть, но все-таки мешает. Ну почему так?» Почти осеннее солнце было прохладным, как моя душа. Никакое утешение не шло в голову, только недоверие и разочарование. «Я должен взять себя в руки. Я не могу принять подаяния», – твердил себе упрямо, совсем не думая, что из этого выйдет. Обида, старая, она же и новая, не давала покоя. Димка, который копался неподалеку, раздражал так, что я крикнул что есть мочи. От испуга мальчик даже присел. Выбежавшая мать была в истерике, только Варя, которая молча наблюдала за всем, поняла, что и откуда.

Да, егерь был ее любовью. Да, она вызволила его из тюрьмы. Но от мужа уходила она не к егерю. И вызволила его из-за отсутствия улик, и попросила вызвать дядю-травника из Сибири, и только ради него.

Нерешительно она подошла к нему. Димка со страхом наблюдал за ними. Он тоже уйдет с матерью, если отец не поймет ее.

– У тебя разболелись ноги? – спросила она.

– Нет, Варя, моей душе плохо, она у меня болит. Ты понимаешь, что это, или как? – почти кричал он.

– Я понимаю, не волнуйся, только соберу вещи. Она стояла, не отходя от мужа. Они оба выжидали... она надеялась, он думал.

Димка с бабушкой вышли за калитку, им обоим было трудно все это заново пережить. Чтобы все это опять повторилось? У них не было никаких сил. Варя, понимая, что она должна быть первой, решила проститься и попросить прощения, если что не так. Но только она открыла рот, как он своим взглядом остановил ее. Затем, глядя в сторону, сказал:

– А ты красивая, и глаза такие же, ничуть не изменились, цвета сапфира.

Хоть и смотрел в сторону, но краем глаза он заметил, что у нее дрожал подбородок. Ее переполнили чувства, она не могла ничего говорить. Еще мгновение, и слезы хлынут из глаз, и никогда ей не сказать всего, что хотелось бы.

– Не говори ничего, одно лишь сделай – прости меня, медведя, – не глядя в глаза, сказал он.

– Ты самый смешной медведь на свете и самый упрямый.

– Просто я раненый медведь, – постарался улыбнуться он.

– Да, он страшный, когда раненый, – улыбнулась сквозь слезы Варя...

И осень золотая была...

В душе – покой и благодать. Только прощальные крики улетающих птиц нарушали тишину осеннего леса, который оголялся с удивительной быстротой. И мягким ковром золотистых тонов покрывалась земля под деревьями, создавая свой уют в этом покое замирающей природы.

СКАЗКА ПРО ТЁПЛЫЙ ВЕТЕРОК, ИЛИ ТАМ, НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ

Была зима. Трескучие январские морозы даже не думали отступать. Три долгих дня, не переставая, шёл пушистый снег. Кругом всё было белым, чистым, воздушным, таким безгрешным и нарядным. В теснине Чегемского ущелья всегда дышится легко, но сейчас крепкий морозец и глубокий снег давали ощущение вечности.

Красиво и величественно в Балкарии, где бурные горные реки, голубые до сини озера, дремучие леса и альпийские луга во власти зимы за короткий зимний день отражали радугу цвета. Мне очень хотелось бы говорить именно о местечке горного Чегема, где время течёт по своим правилам: где-то преломляясь, как та скифская легенда о звёздах, записанная великим Геродотом, к которому обращаются многие поколения учёных, на основе которой строят различные концепции о религиозных верованиях, жизненном укладе и социальном строе.

Легенды, придуманные нашими далекими предками, рассказывают, что на землю с неба упали золотые творения: плуг, ярем, бердыш, чаша. Названия этих предметов раскрывают астрономическую суть легенды. Астрономы издавна наблюдали за звёздами и, как-то их называя, давали им свою оценку.

Например, балкарцы, созвездие Малой Медведицы, именуют Мырыт жулдузла. Жулдуз - это звезда. Мырыт- это сошник или сам плуг. Созвездие Ориона называют Гида Жулдузла. Гида - это боевой топор или бердыш. Группа из звёзд в созвездии Северной Короны напоминают чашу, их называли

Чёмюч Жулдузла. Чёмюч - чаша. Созвездие Весов – Боюнсала или ярмо. Таким образом в разное время года, они ориентировались по звездам, решая многие хозяйственные и другие задачи.

Мы с уверенностью можем сказать, что наши предки были носителями высоко развитой культуры, где древние корни истории можно найти в недрах древнейшей цивилизации. Этому свидетельствует то, что в отвесных и диких скалах когда-то наши предки показали рисунками и значками что-то сокровенное и необходимое. Сегодня мы их называем руническими письменами. Жаль, что этот язык пока нам непонятен. Ценнейшими материалами для исследователей являются самое примитивное древнее орудие и обломок старого кувшина, современные изделия века атома и электроники.

Конечно, камни помнят, но молчат. Они не могут быть уличены во лжи, но истину гласит даже безмолвие камней, служивших горцу для добычи пищи и возведения башен...

Охота в повседневной жизни горцев с незапамятных времён имела важное значение. В Верховьях Чегемского ущелья такие уголья назывались Кийик суу и Буу чат. Эти владения Апсаты - бога охоты, чтобы было удобно следить за теми, кто выполнял охотничий этикет, находятся на самых высоких горах. Когда нарушаются законы охоты, Апсаты бывает в гневе, очень строго наказывает нарушителей.

Как поняли мои читатели, дела происходят высоко в горах, у подножья Кавказского хребта, которую украшает величественный Эльбрус. Даже будучи там, довольно сложно дойти до этих мест. Нужно пройти именно пешим путём до водопада «Думала», которая находится в скалах за Думалинской долиной и переехать Башиль-суу. Следом подняться по берегу Джайлык-суу наверх, затем с южной стороны спуститься к Сырын-суу, пройти двести метров, подняться по травянистому склону на скалы, которые находятся в горловине между двумя грядами дальних скал на Угары Кудушла.

В той дали, где природные факторы подчиняют себе всё, со времён мироздания происходят удивительные природные явления.

Эта история тоже происходит в тех местах. Она особенная и хочется думать, что она немного мистическая.

Дело происходило снежной зимой. Горные перевалы так замело, что никому бы не пришло в голову не только перейти, но и приближаться к ним. Короткий зимний день не мог проходить, как миг, но его не хватало. Ни легкий ветерок, ни ясное зимнее небо, в котором все малые и большие звезды ясно освещали ледяные вершины гор, не портили настроение холодом.

Такая зима нужна была для очищения души от всего наносного, что накапливалось за год, для хорошего летнего урожая и ярких пышных цветений. Кундуз и вся его команда были довольны этой зимней стужей. Он знал, как весной нежно зацветёт его любимый жасмин. Хоть и росли среди пышных цветов, жасмин был белым, чистым и красивым.

Аубекир, Назир и Абдулла хотели, чтобы этот снег принёс прохладу в райские сады за той горой Башилик, где журчал голубым жемчугом чудный водопад. Он переливался под лучами солнца, насыщая и охлаждая одновременно, но только тех, кто был посвящён. Вода льется большим потоком, но впечатление такое, будто до земли она не доходит. Прохлада от водопада нужна в летний зной, а зимой она будто защищает.

Феликс и Сабит берегут этот величайший дар Бога, красоту, окружающую их и дающую возможность жить, греющую их души. Они так привыкли ко всему этому, что не представляют жизнь где бы то ни было. Этот мир только для добра, он даже к недобрым добр.

Нурали, Султан, Усман и красавец Джабраил пьют нектар, не принося вред природе. Всем хватает доброты, полученной от могучей природы, они заботятся о тех, кто в нём нуждается.

Здесь растут красные, оранжевые тюльпаны с длинными шеями, благодаря им, никто не чувствует холода.

О, Аллах, какая идиллия окружает эту никому невидимую землю. Там встречается вечность с обыденностью. Тёплый ветерок ласкает людей с чистыми душами, других лечит. Она ценит и поощряет больших трудяг. Здесь не терпят злословия, блуда, готовы помочь чтобы примирить и очистить больную гневом и завистью душу.

Век – это целая эпоха. Многое происходит, забывается и пропадает. Только не у тех, о ком мне пришлось рассказать. У этих великих сил такое остаётся навсегда, за что ценят и берегут. Только рядом с такими силами можешь творить, думать, наслаждаться тем, что тебе даёт Вселенная. Они, перечисленные выше имена, охраняют от негатива людей и даже природу.

Но как прекрасно! Выбирая себе место пребывания, они не ушли далеко от людей, ясно не все знают об этом и не увидят эту реальность просто из любопытства. Там, как было выше сказано, у жизни свои приоритеты и правила. От мира порочного их защищают великие горы, такие, как Башилик, дальше за местечком Пардыкла в сторону юго-западной стороны Главного Кавказского хребта другие менее заметные вершины.

В этой части горного царства происходят много удивительных явлений, словно над самыми высокими вершинами хребтов встаёт бог предков карачаевцев и балкарцев Тейри. Он является источником добра, радости и становится вершителем людских судеб.

Так бытовал скифский культ Тейри. Здесь и возле самой вершины двуглавого Эльбруса, в чистом небе, можно наблюдать редкое природное явление, которое возникало на рассвете при ясном и очень чистом, безоблачном небе. По поверьям предков, даже моего прапрадеда Шаваева Дауут-хажи, которому посчастливилось это увидеть, олицетворяет собой открытие божественных врат неба. Тогда на несколько секунд,

таинственные лучи озаряют небо своим божественным светом, где исполняются желания.

Там на неведомых местах, на неведомых дорожках, где цветут райские сады, пребывают ангелы. Звёзды Большой и Малой Медведицы, Созвездия Ориона и Весов – самые реальные свидетели всех этих явлений.

Это может быть и фантазией. Вся территория мест возле села Элтюбю и выше до несущих хребтов, высочайших вершин окутана непостижимостью и таинственностью. Такие места рождают гениев, о них мы знаем. Возможно среди этого великолепия стоит искать чашу Грааля, которая будоражит умы много веков. Ведь, по утверждению Махти Джуртубаева, Тайпок казан, который имеет сакральные свойства, находится в одном из труднодоступных мест этих вершин. Он является святыней скифов, известный человечеству еще со времён Геродота. Старожилы говорят, что котёл в давние времена спрятали в горах и что он будет обнаружен перед самым концом света.

Пусть эти времена не наступают, уступая место счастливой жизни, где не будет войн, разрух и других потрясений. Пусть развиваются лучшие помыслы человечества во имя праведного труда, высокой культуры и развития цивилизации во благо человечества, ради улыбок детей и покоя стариков.

ПО ПУТИ В МОЙ РАЙ, В МОЙ ЧЕГЕМ

Очерк

Утро было ясным, солнечным, как моя душа, которая искала радости и ждала чуда там, в Чегеме, куда собрались ехать спозаранку. Эта поездка была столь желанна, как, впрочем, и другие. Но в этот раз Исхак, двоюродный брат моей матери, нас вёз туда с настроением, с желанием увидеть свою малую родину по-новому. Моя тётушка Жаухарат, дядя Исмаил, как и я, тоже стремились туда всей душой. А младшая дочь Халимат впервые отправлялась в дорогу выше Чегемских водопадов. У неё была работа – снимать слайды для моей будущей книги. Она даже не представляла, что великолепие и божественность этих мест столь поразительны.

Село Элтюбю – колыбель истории, самое сакральное и таинственное, что может быть так близко нам. Попадая туда, я вижу себя словно в Тибете, в тех уголках, где можешь черпать необходимую жизненную силу, то, чего недостаёт, чтобы задышать полной грудью. Это Чегем, который радуется твою душу.

Приехав, окунув свой взор туда, где тебя ждут, наполняя сердце высшим светом, в первую очередь хочется распределить своё драгоценное время, чтобы успеть побывать везде. Что мы и сделали.

В первую очередь мы посетили старое кладбище в Пардыкла, где похоронен наш прапрадед, великий человек, поэт и философ Дауут-Хаджи Шаваев. Это место, где нашёл свой вечный покой мастер словесности, известный общественный деятель своего времени, один из самых образованных людей

всего Кавказа. Говоря так, я не преувеличиваю, об этом знают в мусульманском и тюркском мире. В далёкой Саудовской Аравии признают то, что можно ехать на его могилу для паломничества. Об этом говорили великие умы и шейхи, которые считают священным то место, где он лежит...

Я думаю, что каждый, впитав смысл его четверостишия, которое столь широко раскрывает его поэтическую душу и глубокий ум, не может думать иначе. Оно звучит так:

*Была бы воля моя,
Не пришёл бы в этот мир.
Исполнилась бы воля моя,
Не покинул бы этот мир.*

Посетив его могилу, мы отправились к историческим местам, где находятся кешенеле (гробницы), оставленные на память потомкам многие века назад. Они находятся под Кукук или Дорбунлу-Кая. Находясь там, не можешь не поверить в сакральность того места у подножья высоченной скалы, над которым парят длинокрылые орлы и белоснежные облака, молчаливые свидетели происходящего. Эти монолиты-скалы тысячелетиями молча взирают окрест. Много раз они видели, как менялись эпохи. Как проходили войны и восстанавливалась жизнь, как крали невест и плясали на свадьбах, как джигитов иногда, случалось, встречали на щите.

Много веков в таком порыве проходила жизнь, меняя события, встречая гостей именитых и не очень. Много всего случилось...

И эти безмолвные свидетели тех событий у подножья Кавказского хребта вызывают огромный восторг. Хочется преклониться перед ними, перед этой мощью, силой и достоинством.

Дальше, следуя к подножью Битикле, где находится Жулу-Кол, мы подходим к греческой лестнице, которая проходит через всю гору и заканчивается наверху, возле пещеры. Здесь всё исторически очень важно. Здесь каждый камень имеет смысл. Отсюда можно начать свой путь вверх, с берега речуш-

ки Жылгы, где многие учёные пытаются найти ответы на свои вопросы, изучая знаки на камнях, пещерах и скалах. Эти знаки устами учёных называются руническими письменами. Сколько тысячелетий им, никто сказать не может. Но одно ясно – история балкарского народа начинается в глубокой старине.

Много веков, со дня образования первобытного человеческого общества, люди находили здесь уют, в этой теснине, где суровые природные условия были далеко не идеальны. Но много поколений в каждом из этих топонимических объектов образовывались селения, и в каждом из них жили определённые фамилии. С далёких времён жителям селений Элтюбю, Булунгу, Кам и всех остальных исчезнувших сёл известно, откуда тот или иной род, та или иная фамилия. Ведь определённые фамилии и составляли общины и проживали веками, не покидая свои места.

Во время экскурсии Исмаил и Исхак рассказывали интересные истории об этих важных для истории моментах. Халимат была потрясена увиденным и услышанным. Безусловно, стихия гор впечатляет, а быстрая речушка Жылгы, которая течёт с запада на восток и стремится попасть в объятия такого же быстрого Чегема, – как песенка, в которой многократно признаются тебе в любви. Она столь чиста и горда в окружении и под защитой великанов...

Переходя реку Чегем, мы направились в противоположную сторону от речушки Жылгы, к подножью горы Доннгат, где по пути переходили речушку Кардан (Талая вода). Эта речушка берёт своё начало из ледников горы Ак-Кая.

За речушкой Кардан начинается подъём по очень крутому склону, где растёт барбарис. Когда мы были там, он созрел и красным покрывалом украшал склон. Чем выше мы поднимались, тем чётче открывалась панорама селений Элтюбю, Пардыкла, Булунгу, Кам. Кешенеле тоже внимательно наблюдали за нами, спокойно расположившись у подножья Кукук-Кая, которая крепким монолитом горделиво стояла, наблюдая

за всем, что происходит. От впечатлений голова шла кругом, замирало дыхание.

Кешенеле – восьмигранные и четырёхгранные – поражают и сегодняшние умы. Точный расчёт в построении подобных объектов, которые относятся к исторически важной эпохе, свидетельствует о профессионализме мастеров по камню того времени. Две гробницы (кешенеле), которые находятся чуть в стороне и очень близко друг к другу, дают повод думать о том, что их связывало нечто большее, чем наличие места. Из определённых источников известно, что кешене, которая побольше, принадлежит Биймырзе Согаеву. Он был очень состоятельным человеком своего времени, о чём свидетельствует кешене.

Вторая, поменьше, кешене принадлежит Леуан-шыйыху. Леуан-шыйых, по поверьям, был родом из Дагестана. Он жил в селении Думала. Он там женился и растил своего сына Артыка. Как рассказывают, тоже был довольно состоятельным и гостеприимным человеком.

Леуан-шыйых был провидцем, мудрым человеком, решал многие жизненные проблемы жителей малых и больших сел в окрестностях Элтюбю. Потому как село Элтюбю было центральным сельским поселением того времени. В последующие годы там образовали тёре – главный управляющий орган. Туда съезжались не только жители Чегемского ущелья, но и других поселений Балкарии и Кабарды. Об этом умном человеке я слышала в детстве от своей бабушки. Она говорила, что к нему приходили издали за предсказаниями, советами. И они сбывались с удивительной точностью. Он даже предсказал, что пройдёт какое-то определённое время, и во всех селениях вокруг Элтюбю и Булунгу навсегда погаснет огонь в очагах, веками живущие люди их покинут, никогда к ним не возвращаясь. Кто знает, как приняли эту новость те, которые это услышали. Уж точно хочется думать – большинство в это не поверили. Ведь никому бы не хотелось покинуть свою обжитую пристань в столь живописных местах, если бы даже было там немного сложнее жить...

Такому значимому человеку в знак благодарности и построили кешене. Три гробницы, что находятся чуть дальше вышесказанных, по рассказам старейшин, принадлежат трём сыновьям Орты Айдолова, которые погибли, упав с крутого обрыва. Форма этих гробниц восьмигранная. И они намного больше других.

Много героев, ашугов, абреков нашли здесь свой последний приют, закончив свой земной путь. И те, которые помнили этих джигитов, из поколения в поколения несли свои впечатления, услышанные от старейшин, и передавали более молодым. Ими, нашими далёкими предками, было рассказано и о судьбе Айдоловых, которые составляют наше наследие, сокровищницу нашего народа...

Айдоловы впоследствии стали Малкаруковыми, назвавшись так в честь младшего, единственного оставшегося в живых сына Малкарука. Его потомок Ампока построил Малкаруковскую башню для своей любимой жены, княжны дагестанской. Все эти места хранят много воспоминаний, помнят многих героев. Начиная с тех мест, где находятся кешенеле, и до самого берега реки Чегем в этих местах много кладбищ. Они древние и очень древние...

Преодолев крутизну восточной стороны, мы вышли на более плоское место и направились к молельному камню. Место у подножья высоченной вершины Доннгат с его глубочайшими пещерами, конечно, восхитительно. На восточной части скалы видны следы разрушений. Наверняка это произошло после сильного селевого потока, потому как вокруг лежала насыпь из камней и других горных пород. Молельный камень – это огромный монолит, площадь которого 14 квадратных метров. Он имеет правильную форму и углубления в местах, где должны прикасаться голова, колени. Луночка с левой стороны, где собирается столько воды, сколько нужно для омовения.

О, Аллах, как всё в природе взаимосвязано! Намоленный веками плоский монолит имеет удивительную энергетику. Каж-

дый, кто проходит, может остановиться, провести омовение и здесь же совершить намаз. Камень обращён в сторону Мекки. На мой взгляд – это восьмое чудо света, направляющее непросвещённого на путь истины.

В этом месте у подножья горы Доннгат в одноимённом селении издавна жил мудрый и трудолюбивый народ. Об этом свидетельствуют хорошо сохранившиеся до сих пор каменные фундаменты жилищ и тропы, проходящие между ними. Как рассказывают, основали село Доннгат два брата. Один из них заготавливал черепицу, а другой был мастером по изготовлению бус. Они продавали и меняли свою продукцию. И для этого к ним приезжали покупатели отовсюду. Даже сегодня в местечке, где находятся старые могильники, можно собрать в местах, размытых дождём, бусинки разных форм.

До того места, где находится молельный камень, мы проходим мимо Камня братьев. Он тоже имеет странную эллипсоидную форму. Возле него останавливались путники, чтобы отдохнуть, набраться сил и поиграть в «сорок косточек».

Потому как дорога крутая, здесь отдых просто необходим. Возле этого камня, как рассказывают, проводили соревнования по перетягиванию каната. Но сакральная природа места не в этом заключалась. Как было выше сказано, жители села Доннгат находились на том промежутке дороги, где останавливались караваны Великого Шёлкового пути. Наверняка они отдыхали, молились, и кто знает, какие слагали стихи и пели песни, наслаждаясь великолепием этой природы. Но точно знаю – равнодушным в том раю мог быть только слепой! Каких великих сказателей, акынов и путешественников принимала и отправляла эта земля? Кто знает, какие восторженные сказки рассказывались после привала в этих местах? Возможно, какие-то впечатления и легли в основу повествований и историй о чудесах, увиденных в пути по бескрайним караванным дорогам купцами и путешественниками.

С этого места начинается Шыякыла (старые могильники) и Думалинская долина, где до депортации было одно из

больших сел Верхнего Чегема – Думала. Огромное плато, где расположилось село, дает возможность понять, сколько было дворов, каково было вести здесь хозяйство и какие природные условия способствовали выращиванию хлеба и всего остального. Именно с места, где расположилось селение Думала, уходила дорога в Холамское ущелье и в другие маленькие селения правой стороны реки Чегем. Сегодня на месте этих древних сёл люди находят старые жернова, плуги и другую хозяйственную утварь.

Но не только этим горд народ, живший в Элтюбю и окрестных сёлах. Они горды своими людьми. Я выше упомянула о Дауут-Хаджи Шаваеве, который жил в местечке Байгорун в Элтюбю. Это место на окраине села, где дорога уходит в сторону Булунгу. Этот участок земли был подарен хозяину князем Малкаруковым. Сам Дауут-Хаджи научил сыновей жизненно важным специальностям. Сыновья Осман и Махай были очень способными учениками. В строительной деятельности Махаю не было равных. Он построил большой дом с хозяйственными постройками. Развёл фруктовый сад и сам же выводил новые сорта деревьев. Это в то далёкое время было просто в диковинку. В саду под деревьями была большая пасека, которая способствовала опылению фруктовых деревьев.

О Махае Шаваеве сейчас вспоминают как об очень талантливом строителе. Он считал, что для человека огромная хвала и честь, когда он строит дороги. И это он делал успешно и много. До сих пор и в селении Элтюбю, и в других окрестных сёлах – таких как Актопурак, Жора – посажены фруктовые сады, построены из камня высокие заборы у дорог, чтобы не было обвалов. Эти фруктовые деревья до сих пор плодоносят, и каменные постройки защищают дороги от селевых масс. Махай Шаваев, сын Дауут-Хаджи, умел находить в горных породах известковые камни и сжигал, получая высококачественную известь. Эту известь он применял в строительстве и раздавал сельчанам для побелки своих домов. Он также обжигал кир-

пич, чтобы строить печи и другие хозяйственные объекты. Его кирпичи можно и сейчас найти, узнавая по эмблеме «Ш. М.».

Дауут-Хаджи открывал в своё время медресе в селении Элтюбю, где учились лучшие сыны всей Балкарии. А Махай, после того как сгорела деревянная мечеть, построил каменную мечеть, и все жители из окрестных сёл на пятничный намаз приезжали в Элтюбю. В то время это было уникально. Стены были обработаны из особого вида камня, а крыша покрыта была жостью. То было золотое время. Никто не предполагал, что начнётся война и мужчины покинут свои обжитые аулы. А 8 марта 1944 года станет роковым днем для балкарского народа. Его ждала депортация, чужбина, голод, холод и тоска по родному краю. Эти беды многие не смогли пережить, не была исключением и семья Шаваевых. Махай и его братья в первый же год депортации умерли на чужбине. Земля Казахстана стала их последним прибежищем, концом их жизненного пути. Да упокоятся они там с миром! О них помнят, о совершённых ими делах говорят с благодарностью. Спасибо им за это!

Мы, благодарные потомки, посещая эти места, хотим впитать дух доброты, оставленный ими. Каждая поездка в Чегемскую теснину, в село Элтюбю и его достопримечательные уголки, для меня праздник, которого жду, о котором громко хочу сказать самыми восторженными словами, поклоняясь каждому камню, свидетелю истории нашего народа. Эта земля не перестанет рождать гениев, таких как Кайсын Кулиев, который говорил стихами об этих местах. Он говорил как молитву, как чувствовал, как любил...

Место сакральное, место таинственное, место святое – ты, мой Чегем!

Колыбель культуры, земля моих предков. Живи и радуй всех ищущих вдохновения!

ПЕСНЯ МОЕЙ ДУШИ

Очерк

Осень в этом году выдалась удивительно тёплой и долгой. Золотая листва от безветрия красовалась огнём, радуя душу. Казалось, это будет вечно, непогоду не ждали.

Живу и работаю в городе, но душой я сельский человек, и родной Чегем всегда со мной. Никакая хандра не может задержаться, как только с Первого Чегема направляюсь вверх в сторону Нижнего, потом - Верхнего Чегема. Это моя Мекка, песня моей души, место, где я родилась, становилась и уходила в большую жизнь.

Когда я приезжаю в родительский дом, уже с порога душа наполняется родным духом этой вселенной: нашим двориком, огородом, камнем в конце огорода и старой лещиной, которая висит над крутым обрывом. Любимая вотчина моей дорогой мамочки, ушедшей некоторое время назад, оставив нам всё это. Осознавать, что её теперь там нет, мучительно больно.

Мама прожила достойную жизнь. Вырастила своих пятёрых детей и многих племянников. Она научила нас женскому труду, и мы, её послушные дочери, с удовольствием занимались всем этим и приобщились к искусству рукоделия. При ней наш двор был самым уютным и многолюдным. Он остался таким и сегодня. Племянники, которые собирались отовсюду, знали, что добрая тётя Шахидат приготовит много вкусного. К тому же, в этом большом, с красивым двором, доме никто не запрещал шуметь, бегать, прыгать. Вот таким запомнился всем наш родительский дом. Мама старалась всегда всем угождать.

Казалось, это было главной чертой ее характера. Только приготовит, накормит и тут же опять заставит кого-то из нас пойти сорвать побольше свекольной ботвы или выкопать молодой картошки, чтобы заняться приготовлением нового блюда. В такие минуты никто из нас не решался проявить недовольство, ибо она совершенно наивно заявила бы, что «они с удовольствием будут есть, только быстро и много надо приготовить». Кто бы сомневался...

Когда для строительства дома отцу выделили участок, он оказался особенным: в конце этого местечка была чья-то могилка. Мама не испугалась, не пренебрегла, всю свою жизнь тщательно ухаживала за ней, считая для себя это священным долгом. (Впоследствии брат со снохой поступали точно так же...) Помню её тёплые руки, которые перебирали чётки, когда она читала молитву за человека, похороненного в той могиле.

Она раз пять перечитала мои книги и пересказала их мне, словно я не знала их содержания. Наш добрый ангел-хранитель, как же пусто нам без тебя, без твоей доброты и чистой души! Ты её ничем не запятнала, никогда ни на кого не держала обиду. От тебя исходило необычайное тепло, которое лечило души. Конечно, второй такой души нигде не найти, она принадлежит избранным, к которым бегут люди, спасаясь от жизненных невзгод.

Нам повезло с тобой, наше чудо божественное, с красивыми алыми щёчками и доброй неповторимой улыбкой, которая никогда не покидала твоё лицо.. Ты принадлежала не только нам, твоим детям, но и всем, кто нуждался в помощи, понимании и внимании. Ты будто сама находила их, и они были всегда с тобой рядом. Очень трудно быть такой. Как заблудшие, мы ищем твои следы в покинутой тобой жизни, в нашем дворе, в созданном тобой огороде и окружавшем тебя Чегеме, в родных пейзажах, в цветущих садах и в косых дождях. Мы стараемся сохранить тот мир, который создала ты, ведь ты смотришь на нас с небес...

Этот намоленный тобой мир ты оставила нам: детям, внукам, родне. У тебя не было врагов, ты ценила всё и всех, радуясь малому и большому. Сколько нужно было иметь в душе сил, чтобы уметь прощать того, кто, по человеческой логике, не заслуживает этого!. Мне, одной из твоих дочерей, не всегда хватает мужества смотреть на мир твоими глазами: не замечать недостатков и прощать обиды. Как и отмечала, это достоинство избранных. И такие люди рождаются для особой миссии, чтобы открывать другим основы миропонимания.

Вселенная вмещает в себя разное: и плохое, и хорошее. Любой плохой ситуации можно найти оправдание. Всему есть своё объяснение, как и спасение от плохого, и оно, это объяснение, находится рядом: в знаках, людях, предметах. Всё в руках умеющего видеть и понять.

До депортации мамина семья жила в Верхнем Чегеме, они - чегемские Шаваевы, не безенгийские. У чегемских корни идут с Карачая.

После депортации они не вернулись в обетованный Верхний Чегем, решив остаться в Нижнем Чегеме. Конечно, это село ближе к городу, там проще жить, но Верхний Чегем (древнее название Эл-Тюбю) всегда был с ними. Это великолепие до сих пор остаётся нашей гордостью, местом лучших воспоминаний, впечатлений, местом силы.

Тот, кто хоть раз побывал там, впитал его величие, уже не сможет обойтись без его уникальной энергетики и прекрасной природы, без того, что оставили наши предки с незапамятных времён до нашествия Хромого Тимура, когда по этим местам ещё проходили караваны Великого Шёлкового пути.

После ссылки мой отец с матерью тоже встретились в Нижнем Чегеме и создали семью. Прекрасное село со своей историей. До войны он был районным центром, куда входило много сёл, начиная с Яникоя, Каменки, Лечинкая и заканчивая с селением Булунгу. Выше Чегемских водопадов насчитывалось восемнадцать больших и малых сёл.

Проехав от водопадов до селения Булунгу, можно увидеть руины старых домов, но трудно представить, что там когда-то кипела жизнь.

После Октябрьской революции, коллективизации создавались партийные ячейки и колхозы, и мой дедушка Татчаев Аслангерий, его два брата - Адильгерий и Баттал были руководителями в разных государственных структурах этого района.

Мой дед, Татчаев Аслангерий Дидуевич был партийным организатором в селениях Верхний Актопрак и Нижний Актопрак и директором маслосырзавода.

Татчаев Адильгерий Дидуевич занимал должность начальника НКВД Нижнечегемского района. Татчаев Баттал Дидуевич был партийным секретарём и председателем колхоза в Нижнем Чегеме. Я горжусь ими. Моего деда отправили на фронт, где он погиб в боях за родину в Керченском направлении. Его братьев по ложному доносу расстреляли. Они не видели депортацию, не узнали, что было с их семьями в изгнании.

В семье моего отца росли девять детей. С матерью они попали в Северный Казахстан и в том же году шестеро детей и мать умерли от голода и холода. Трое из оставшихся выросли в разных детских домах. Участь была жестокая, она касалась не только нашей семьи, но всего безвинного народа.

Семья моей матери попала в южную область Казахстана. Им повезло больше, они выжили. Кроме младшего братика и дедушки, все вернулись на родину.

В Нижнем Чегеме до войны был построен кирпичный завод, который ненадолго был восстановлен, и часть молодёжи работала в колхозе, часть - на заводе. Нижнечегемский и Чегемский районы были объединены в один Чегемский район.

Потеряв большую часть народа на войне и в депортации, поколение наших родителей возвращалось на родину, но из восемнадцати аулов Чегемского ущелья были заселены только Эл Тюбю и Булунгу. Когда об этом думаю, вспоминаю предсказание кумыкского шейха Леуан-хаджи, который жил два

столетия назад в селении Думала. Оно находилось левее Булунгу, по пути в сторону Безенги. Согласно преданию, увидев холм в устье реки Чегем, он показал на один из камней и сказал, что, когда упадёт этот камень, много селений опустеет, и только спустя годы вернутся сюда жители и заселят только два села. Тогда люди не придали этому значения...

Прошло много лет, и однажды дедушка Мухаммат, выгоняя корову на водопой, увидел тот самый камень, который лежал в обрыве среди крапивы. Это было в первых числах марта 1944 года... Он тогда вспомнил слова кумыкского старца, но ни за что не хотел думать о плохом. К сожалению, через пару дней, 8 марта в пять часов утра, жители всех сёл в ущелье убедились в точности того страшного предсказания

Спустя тринадцать лет, люди, прошедшие все невзгоды и испытания, как было выше сказано, вернулись к родным очагам. Те, кто попал в ссылку маленьким ребёнком, знали о Кавказе, о родном доме по рассказам старших. Но народы, среди которых они выросли, тоже стали для них родными.

Конечно, рассказы старших о далёкой райской земле под названием Кавказ волновали их души. И эта долгожданная встреча с горами, быстрыми реками, чудесной землёй, старыми, некогда покинутыми ими сторожевыми башнями, над которыми всё так же парили длиннокрылые орлы, состоялась. Приезжая, старшие поклонялись земле, которая наконец-то дождалась их, то покрываясь зеленой травой, то багрянцем и золотом листвы, а то и толстым снежным покрывалом. Как и до ссылки, сюда весной прилетали ласточки, а осенью, собравшись в стаи, опять улетали в далёкие тёплые края.. В заброшенных огородах весной цвели деревья, росли яблоки, а осенью все это горело в багрянце. Были и такие случаи, когда чьей-то собаке выпадало счастье дожидаться своих хозяев.

Люди, приехавшие раньше, встречали вновь прибывших родственников или соседей и помогали им обустроиваться.. Радовались каждому, кто выжил и добрался до родных мест.

Постепенно сёла обживались переселенцами, жизнь налаживалась. Я принадлежу к поколению детей, рождённых в первые годы после возвращения из высылки.

Моё счастливое детство прошло с родителями, которые после долгой разлуки с родиной возрождали родные очаги. Никогда не забуду, как наша мама с утра до ночи трудилась, стараясь создать свой мир, семью и быт. Она родила четырёх дочерей и одного сына. Своих детей она учила трудолюбию, порядку и ответственности, за что мы ей бесконечно благодарны. Я, как любая девочка-балкарка, умела и в хозяйстве быть нужной, и рукодельничала с удовольствием. Даже в годы учёбы в школе это было моим любимым занятием. В нашей школе, расположенной в отдалённом балкарском селе, работали лучшие учителя и достойные люди. Они учили нас не только основам разных наук, но и быть ответственными, понимать важность выбранного тобой дела. И спустя много лет, когда я сама стала учителем, не раз задумывалась о том, смогла ли передать детям то, что я получила в своё время от своих замечательных педагогов.

Я люблю свой Чегем, который наполняет меня силой, очаровывает неповторимой красотой и с каждым разом помогает открывать для себя что-то интересное. Эта благословенная земля является родиной множества талантливых людей. С большим удовольствием, могу рассказать об одном из них. Это мой прапрадедушка Шаваев Даут-хаджи, которого по праву считают одним из основоположников балкарской литературы. Да, это большое счастье называть его своим дедом, так мне повезло. Написав и издав о великом человеке книгу, я не думаю, что до конца выполнила свой долг. То, что я сделала, - это всего лишь малая толика в плане исследования его огромного и многогранного творчества. Хорошо подготовленные филологи всегда смогут сказать новое слово об этом философе, поэте, религиозном деятеле. Он учился в лучшем университете Востока – «Аль Асхар» в Каире. Прекрасно знал

восточную поэтику и философию. Образованнейший человек своего времени, он в своем творчестве использовал поэтическую традицию великого восточного гуру, философа и мудреца Ахмат Ходжа Ясави. Это считалось высшим достижением в поэзии и выражением мысли в высоком поэтико- философском слове.

После университета он вернулся в родной Эл Тьюбу и открыл медресе. Для непросвещённого общества это было большим прогрессом. Обучал он не только читать священный Коран, учил думать, подчиняясь законам логики, принимать решения, писать арабскими буквами балкарские слова. Он создал первую интеллигенцию, представителей которой впоследствии через свои многочисленные связи устраивал в университеты Востока.. После они же руководили в своих сёлах, контролируя всё происходящее. Мне очень нравится посещать места, где он проживал, село Эл Тьюбу- это его родина и место, где он похоронен. Я там бываю не так часто, как хотелось бы. Весь путь выше, до селения Эл Тьюбу, завораживает. К нему не привыкнешь, что-то новое всегда покажет...

Выше чегемских водопадов можно увидеть руины старых селений, сегодня это сенокосные угодья. Но самое интересное начинается именно отсюда. Первое поселение- это аул Актопрак (вернее будет сказать развалины аула). Он начинается, как только проезжаешь водопады. Начиная своё повествование об этих землях, хочу рассказать о своём прадеде, дедушке моей матери, сыне Даута-хаджи, Махае.

Махай Даутович Шаваев был одним из пяти сыновей Даута-хаджи. Всё самое талантливое, что было у отца, практически передалось ему. Он окончил медресе, созданный своим отцом, и прекрасно владел арабским языком. Помимо этого, он был мастером на все руки, прекрасным строителем, зодчим, садоводом. Для конца девятнадцатого - начала двадцатого веков иметь знания по таким направлениям было практически

невозможно. С этим даром человек должен был родиться. Как рассказывают люди из поколения моих родителей и как пишет его односельчанин, краевед Исхак Газаев, ему не было равных в этом мастерстве. Прямо за поворотом в ауле Актопрак до сих пор стоит каменная стена, который он построил задолго до депортации, чтобы не было обвалов на этом участке. Всё, что он строил, делал исключительно мастерски. После того, как снесли старую мечеть, построенную из досок, началось строительство новой мечети из камня. Хоть в селе был эфенди, полностью руководил стройкой Махай, сам же ставил стены. По углам, возле окон и дверей, заставил каменщиков точить особые камни нужной формы, крышу покрыл жостью, который тогда был в большом дефиците.

Мечеть служила даже после того, как вернулся народ на свою землю. Себе построил двухэтажный дом из камня, из хорошей древесины, с жестяной крышей и застеклёнными окнами. Для того времени такой дом считался большой редкостью.

Махай там жил с отцом и многодетной семьёй единственного сына, Харуна. Как вспоминала мама, он был самым добрым дедушкой для своих внуков. После смерти отца он часто вспоминал его, рассказывал, какой он был в работе, в быту и т.д. Мама, хоть и была маленькая, многое запомнила из его рассказов и что-то могла и нам передать. Он хотел спокойной жизни себе и своим внукам в этом прекрасном дворце с большими окнами, откуда он мог с местечка Байгорун разглядывать всё село и его достопримечательности. С вечера и до самого утра прямо над его домом со стороны горы Битикле, по одну сторону Млечного пути на небе сверкали звёзды Большой Медведицы, освещая тот же путь, по которому проходили караваны Великого Шёлкового пути в местечке Думала, до самого Ётмюш Кол и дальше горами и долами до Дербента, Хазарского моря и его бесконечных степей. Зимой прямо над домом располагалось созвездие Ориона, которое ярко освещало вершину Донгат и Капчагай.

Перед красавицей-горой Капчагай много тысячелетий стоит гора Донгат, влюблённый и большой, со своими таинственными пещерами; он нежно охраняет молебный камень «Намаз таш», оставленный нам неизвестными путешественниками и караванами Великого Шёлкового пути. Перед вершиной Донгат простирается наиболее ровная часть этой земли. Моя тётушка Канитат рассказывала, что это всё - могильники, и по словам известного историка и археолога Исмаила Мизиева, здесь находится как минимум четыре слоя могил. Можно представить, сколько тысячелетий назад были заселены эти места.

«Намаз таш» удивителен своим расположением. Это прямоугольный камень, направленный прямо в сторону Кыбыла т.е. на юг. С левой стороны нерукотворная лунка, всегда заполненная водой для омовения, также небольшие углубления, где касается голова и колени во время намаза. Конечно, неисповедимы пути Господни, что тут скажешь. Чуть ниже «Намаз таш» можно увидеть камень прямоугольный с овальными краями, его называют «Къарындашланы ташы» или камень братьев. Действительно, рассказывают историю про двух братьев. Один из них делал черепицу, а другой - бусы. Согласно преданию желающих приобрести их товар много было, как для украшений, так и для погребений. Чуть выше, на левой стороне, находятся древние могильники. После дождя, когда смывается почва, выходят наружу прекрасные самоцветы-бусинки, когда-то погребённые в землю.

Дедушка Махай был очень умным дедом и всегда учил на лучших примерах своих внуков, рассказывал о необычности тех мест, где они живут. Моя мама с его слов помнила (хоть и смутно), что за ледниковой речкой Къардан, берущей начало из самой вершины горы Ак-Кая, находится большая долина Думала. Как и во всех больших и малых селениях Чегема, там проживали представители нескольких фамилий. Одни из них - щедрые, богатые братья Мамашевы, о которых рас-

сказывал дедушка Махай, держали чёрных лис. Они пользовались очень большим спросом. Из разных мест приезжали, чтобы приобрести их шкуры для шапок, барских шуб и воротников для княгин. Простому смертному, наверное, было не по карману...

Отец Махая Дауут-хаджи часто уезжал по делам. После возвращения из очередной поездки на Восток он увидел этот прекрасный дом, которому совсем не обрадовался. Долго он рассматривал его со всех сторон и, позвав сына, сказал: «Дорогой сын, придут такие времена (они не за горами), когда это великолепие принесёт тебе много проблем». Разве об этом хотел бы подумать гордый сын в тот момент? Но эти времена неожиданно наступили. Сын вспомнил слова своего отца - провидца. Когда началась коллективизация, дом забрали в пользу государства и использовали в качестве гостиницы для приезжих представителей тогдашней власти. Семью никуда не стали выселять, не нашли куда выселить, а заставляли их обслуживать. Не подчиняться власти не было возможности.

Так они жили, пока не наступило время депортации народа в районы Средней Азии и Казахстана. Вместе с другими жителями села семью дедушки погрузили в грузовые машины и увезли в неизвестность «на вечное поселение», и вскоре от этого дома ничего не осталось. Всё до последнего гвоздя было разворовано и вывезено...

Дедушка Махай считал самым благородным делом строить дороги. В горных районах они часто приходили в негодность. Например, даже в настоящее время в Тызгы, что находится за местечком Актопрак, дорога очень низкая, почти на уровне реки Чегем. Во время сильных дождей или таяния ледников она разливалась и затопляла дорогу, смывая большие валуны. Тогда он несколько дней подряд приводил эту территорию в порядок, взрывая повреждённые участки и засыпая другой породой, чтобы поднять уровень дороги. Кто считал нужным, помогал, а так он всегда строил сам.

Он очень любил садоводство. В то время это было самой неразвитой отраслью сельского хозяйства и природопользования. Он каким-то образом выяснил, что можно взять ростки диких фруктов и окультурить, прививая веточку одного вида к другому. Возможно, отец во время путешествий это видел или он сам как-то додумался, мне трудно об этом сейчас говорить. Но в итоге он в своей усадьбе посадил большой сад из абрикосов, яблок, слив и груш. Это было новое, до сих пор неизвестное для сельчан, явление. По решению князя Балкарукова, который правил селом, он разбил сады в селении Актопрак и селении Жора. Даже сегодня, когда едешь в Эл Тюбю, проезжая эти места, прямо у дороги можно увидеть старое абрикосовое дерево. Другие растут и в глубине села, старые, необрезанные, но всегда цветущие и плодоносящие. Мелкие плоды абрикосов с розовыми щечками и веснушечками. Достойные оставляют лучшую память о себе.

Дедушка Махай, когда строил, в раствор добавлял известь, которой еще пользовались строители кешене, т.е. могильники. Их брали из оврагов у подножия горы Башиллик и там же в больших ямах гасили. Он таким же образом строил мечеть, дом, заборы. Этому ремеслу учил и своих односельчан, а также он им раздавал эту известь, чтобы они белили дома и жили в чистоте. Вот таким человеком был достойный сын своего великого отца! Я по-настоящему горда тем, что они были моими прародителями. Пусть покоятся в мире! Конечно, нашему дорогому деду Махаю не суждено было остаться лежать на своей земле. Его не обошла участь ссылки. Он со своим народом, невесткой и внуками попал в Казахстан, там и было его место упокоения, пусть пребывает в раю.

Однажды я разговаривала с эфенди и эзотериком и услышала странную историю. Оказывается, за селением Булунгу, ближе к Кавказскому хребту есть местечко, где время не подчиняется никаким законам физики. Он это назвал параллельным миром, невидимым простому человеку. Почему-то я в это

поверила. Он рассказывал, что это мир духов, высших сил или высшего разума.

Не может не быть в таком величии только простое материальное. Я слышала легенду о том, что золотое ложе спрятано в горе Битикле, где находится «Греческая лестница», и чашу Грааля нужно искать не в земле, а именно в горах, дальше Артиш Кая, или по-другому «поющая гора». Возможно, это миф, но очень хочется в это верить. Эти места полны тайн как природных, так и мистических. Здесь, как в Тибете, и время течёт по-своему. Это те места, где много древних рун. Некоторые из них раскрыты, остальные ждут своего часа. Поднимаясь по так называемой греческой лестнице до самого верха или трона, эти руны везде. Уже известно, что в рунах, раскрытых известным учёным Байчоровым Сосланом, говорится о прошлом народа, жившего в этих краях сотни, а может, тысячи лет назад. Параллельные миры тоже указывают на богатое прошлое, на тайные знания, по которым жили эти люди. Мировая наука поддерживает мнение о том, что эти миры - хранители знаний. Ведь налицо работы тех, кто строил кешене и разрушенные крепости. Их было немало. История строительства их датируется двенадцатым-четырнадцатым веками. Единственный памятник культуры, Башня Балкаруковых, который стоит по сей день, датируется семнадцатым веком. Старые крепости, у которых и оснований почти не осталось, - это башня «Хырждауат кала», крепость «Тотур кала», башня «Личиу кала», башня «Трам кала», крепость «Байрым». Над ними работали и исследовали учёные-археологи Чеченов И.М. и Исмаил Мизиев. Также хорошо описана история склепов «Фардык-кешене» того же далёкого средневековья. Такие феноменальные сооружения, конечно же, не под силу были обычному строителю, как бы он ни хотел этого. Для этого требуются специальные знания, планировка, чертежи. Они и составляют древние, тайные знания, возможно, полученные от вневременных цивилизаций или тех же параллельных миров. А

сколько имён гениальных зодчих и каменотёсов ушло в небытие, оставшись под толщей веков! Живёт мой древний народ среди этого величия, где сильнейшая энергетика вселенной рождает таких гениев, как мой прапрадед Шаваев Дауут хажи, его не менее гениальный сын, великий зодчий Махай Шаваев, великий поэт Кайсын Кулиев. А сколько ещё было талантливых певцов, поэтов, сказителей, - тех, кто на протяжении веков создавал произведения балкарского фольклора, мы не знаем и вряд ли узнаем когда-либо...

После возвращения из депортации эта семья, как было сказано выше, осталась жить в Нижнем Чегеме. Сын Махая, Харун, погиб на войне. Отец Махай и внук Мухаммат умерли в Казахстане. Остальные вернулись на Кавказ. Они все, отпрыски достойных людей, продолжили достойно жить, учиться и работать.

Я очень люблю своё село. Мне нравится наблюдать за тем, как оно развивается, люблю слушать интересные истории из жизни сельчан, восхищаться делами хороших людей.

В самом красивом доме, построенном моими родителями, всегда было тепло, уютно, сытно и многолюдно.. Всех соседей и родственников, среди которых прошло моё детство, я вспоминаю с теплотой, не помню, чтобы кто-то из них относился ко мне плохо. Каждая семья имела свою историю, свою судьбу, не похожую ни на чью другую, и тем они были мне интересны и дороги. Кто-то из них был как непризнанный гений своей тоской по былому. Кто -то красивым пением, кто- то красивой душой. Но все они остались в моей памяти только в позитиве. Помню старого Бориса, одинокого, немногословного, умеющего молча и внимательно выслушать своего собеседника. Кто-то рассказывал о его безответных чувствах в молодости и непреходящей душевной боли. Никого он в этом не обвинял, создал семью, вырастил детей и свою боль спрятал глубоко в сердце. Он ушёл с ней туда, где она ещё дольше будет храниться. Никому не любил открываться, не знаю, боялся или

не доверял? Это было его болью, к которой он привык. Я ни разу не видела, чтобы он весело с кем-то говорил. Но однажды он тихо сидел под деревом и смотрел на небо. Я впервые с ним разговаривала. Он показал на небо, которое очищалось от облаков, и это было какое-то странное зрелище. Прямо с северной стороны, с самого края от востока до запада, прямой линией небо очищалось весь день. К вечеру не было ни одного облачка. Была ранняя осень, время сенокоса. Долго после такого удивительного прояснения не было дождей. Я тоже целый день наблюдала за этим удивительным природным явлением.

Я люблю осень в его нескучном цвете. Как говорят, бабье лето с паутинами и тишиной, которая наступает после отлёта певчих птиц. От чудной тоски вечерами и последним шелестом багряной листвы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАССКАЗЫ

Я попросила осень, подожди	5
Берега, берега... ..	39
На охоте	46
Сказка про тёплый ветерок, или там, на неведомых дорожках	55

ОЧЕРКИ

По пути в мой рай, в мой Чегем	60
Песня моей души	68

Абаева Сакинат Владимировна
Я ПОПРОСИЛА ОСЕНЬ, ПОДОЖДИ!

Литературно-художественное издание

Редакционная коллегия

Художественный редактор **Мария Иванова**
Корректор **Карданова Диана**
Дизайн книги **Ирина Борова (Гидова)**
Компьютерная верстка **Ирина Борова (Гидова)**

Подписано в печать 10.01.2024. Формат 148x110.

Печать цифровая.

Тираж 100 экз. Заказ №

г.Нальчик, 2024

Издательство “Принт-Центр”
Отпечатано в типографии “Принт-Центр”
г.Нальчик, ул.Братъев Кушховых, 79 “А”
www.print07.ru

